

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org).
Перевод уже был опубликован в 2013 году на сайте этой организации
(<http://www.srji.org/resources/search/185/>). Разрешение на публикацию перевода было дано
исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation
was published in 2013 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for
the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО "САБАНЧИЕВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ"

(Жалоба № 38450/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

6 июня 2013 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ
6 сентября 2013 года

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле “Сабанчиева и другие против России”,

Европейский суд по правам человека (Первая секция) Палатой в следующем составе:

Изабель Берро-Лефевр, *Президент*,
Элизабет Штейнер,
Ханлар Хаджиев,
Линос Александр Сицилианос,
Эрик Моз,
Ксения Туркович,
Дмитрий Дедов, *судьи*,
и Андре Вампах, *Заместитель Секретаря Секции*,
Заседая 14 мая 2013 года за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№ 38450/05) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») пятьюдесятью гражданами Российской Федерации (перечисленными далее в приложении) 26 октября и 15 ноября 2005 года.

2. Заявителей в Европейском суде представляли Д.И. Стрэйстяну, А.Мальцева, Е.Ежова и А.Николаев, юристы НКО "Правовая инициатива по России" и адвокат Л. Дорогова, практикующая в городе Нальчик. Правительство Российской Федерации («Правительство») первоначально представляли П. Лаптев и В.Милинчук, бывшие Представители РФ в ЕСПЧ, и затем - Г. Матюшкин, Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Заявители утверждали, в частности, что обстоятельства опознания тел их умерших родственников были бесчеловечными и унижающими достоинство, что решение властей не возвращать эти тела их семьям было незаконным и непропорциональным, что является нарушением статей 3, 8 и 9, взятой отдельно и в сочетании со статьями 13 и 14 Конвенции.

4. Решением от 6 ноября 2008 года Суд признал жалобу частично приемлемой.

5. Заявители и Правительство представили друг другу, согласно Правилу 59 § 1, дополнительные замечания по существу дела. Проконсультировавшись со сторонами, Палата решила, что проведение слушания по существу дела не требуется (Правило 59 § 3), стороны в письменном виде ответили на объяснения друг друга.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. Нападение 13 октября 2005 года

6. Рано утром 13 октября 2005 года правоохранительные органы города Нальчик, Республика Кабардино-Балкария, были атакованы группой вооруженных лиц, по-видимому, местными повстанцами. В числе правоохранительных структур, подвергшихся нападению, Министерство внутренних дел Республики, Центр «Т» Главного управления Министерства внутренних дел РФ, несколько отделений внутренних дел, отряд милиции особого назначения Министерства внутренних дел, Управление Федеральной службы безопасности Кабардино-Балкарии, Управление Федеральной службы исполнения наказаний, управление Пограничной службы ФСБ, а также несколько оружейных магазинов. По мнению Правительства, в нападении участвовали более 250 человек.

7. Перестрелка между представителями государства и повстанцами продолжалась до 14 октября 2005 года.

B. Семейные связи между личностями заявителей и погибших.

8. Заявители утверждали, что они являлись родственниками людей, погибших в ходе событий в Нальчике 13 и 14 октября 2005 года или вскоре после них (см. приложение с указанием семейных связей заявителей и погибших).

9. Правительство не оспаривало этого утверждения, за исключением ситуации с девятнадцатой заявительницей, Жанной Федоровной Ифраимовой, которая, по мнению Правительства, не состояла в родственных связях с погибшим Русланом Борисовичем Тамазовым.

10. Согласно показаниям девятнадцатой заявительницы, погибший Руслан Борисович Тамазов был ее мужем. Позднее она изменила это заявление, утверждая, что они не были официально женаты, но проживали вместе с февраля 2005 года. К событиям октября 2005 года она находилась на восьмом месяце беременности. Девятнадцатая заявительница представила выданное 9 июля 2008 года свидетельство о рождении ребенка по имени С.Т., согласно которому девочка родилась 8 декабря 2005 года, ее отцом является Руслан Борисович Тамазов, а матерью – девятнадцатая заявительница.

11. Согласно информации, предоставленной Правительством, «в ходе отражения нападения 13 и 14 октября 2005 года было уничтожено 87 членов преступного сообщества». Правительство не указало имена убитых.

12. Правительство также утверждало, что 14 октября 2005 года был задержан и заключен под стражу Аслан Юрьевич Багов (один из двух племянников пятнадцатого заявителя). На момент задержания он имел ранения головы и грудной клетки, от которых скончался в тюрьме 23 октября 2005 года.

13. 18 октября 2005 года Казбулат Беталович Керев (один из сыновей семнадцатого заявителя и участник нападения 13 октября 2005 года) произвел прицельные выстрелы в сотрудников милиции патрульного поста и был убит ответным огнем сотрудников правоохранительных органов.

14. В своих замечаниях по вопросу приемлемости жалобы Правительство утверждало, что в ходе операции властями были уничтожены 95 повстанцев и что антитеррористическая операция проводилась в ответ на нападение 13 октября 2005 года.

15. По существу, Правительство подтвердило, что все погибшие, на которых ссылаются заявители, были убиты властями.

С. Уголовное дело №25/78-05

1. Постановление о возбуждении уголовного дела в отношении событий 13 октября 2005 года

16. Предполагается, что 13 октября 2005 года власти возбудили уголовное дело № 25/78-05 по факту вооруженного нападения на Нальчик.

17. Следствием было установлено, что в период с конца 1999 года по февраль 2005 года группа людей, включая Аслана Масхадова, Шамиля Басаева, И.Горчиханова, А.Астемирова, Абу-Валида Хаттаба и Абу Дзейта создали преступное сообщество. Именно эта группа спланировала нападение. В результате были убиты 35 сотрудников правоохранительных органов и 15 лиц гражданского населения, вред различной степени тяжести нанесен 131 сотруднику правоохранительных органов и 92 гражданским лицам, кроме того причинен значительный имущественный ущерб.

18. Заявители не имели никакого процессуального статуса по уголовному делу №25/78-05.

2. Запросы заявителей властям на начальной стадии расследования

19. Сразу после нападения 13, 20, 21 и 25 октября 2005 года ряд лиц, в том числе заявители по данному делу, подали коллективные запросы в различные государственные инстанции, включая прокуратуры, с просьбой выдать им тела убитых родственников.

20. С конца октября 2005 года и, по крайней мере, до апреля 2006 года заявители получили извещения из прокуратур и других органов

государственной власти, где сообщалось, что заявители получают ответы на свои запросы, когда расследование по делу будет завершено.

21. Попытки некоторых заявителей оспорить во внутренних судах решение властей, изложенное в этих извещениях, оказались безуспешными. Заявителям было отказано в возвращении тел погибших как в судах первой инстанции, так и в ходе апелляции.

3. Постановления о прекращении уголовного преследования от 13-14 апреля 2006 года

22. 13-14 апреля 2006 года органы следствия прекратили уголовное преследование в отношении 95 погибших по причине их смерти. Индивидуальное постановление было принято в отношении каждого из погибших с описанием степени и характера их индивидуальной причастности к делу и с заключением о том, что эти лица принимали участие в нападении и погибли в результате ответного удара. Это означает, что погибшие, на которых ссылаются заявители, были в числе тех, в отношении кого были вынесены эти постановления.

23. Генеральная прокуратура письменным уведомлением сообщила заявителям об этих постановлениях 14 апреля 2006 года. Из этого документа следовало, что никакие копии самих постановлений не были прикреплены к уведомлению.

24. Некоторые заявители подали в местные суды жалобы на отказ властей предоставить им копии постановлений от 13-14 апреля 2006 года. В результате судебных разбирательств большинству заявителей удалось получить копии соответствующего постановления. Однако им было отказано принимать участие в уголовном процессе в качестве законных представителей погибших или получить личные вещи погибших.

25. В ходе рассмотрения дела в Страсбурге Правительство предоставило копии постановлений от 13-14 апреля 2006 года в отношении каждого из родственников заявителей.

4. Постановление от 15 мая 2006 года о невыдаче тел погибших семьям.

26. Правительство заявило, что 95 тел предполагаемых террористов были кремированы 22 июня 2006 года. Из дополнительных замечаний, поданных заявителями, следует, что они впервые узнали о кремации из Меморандума Правительства по данному делу.

27. Согласно Правительству, кремация была проведена в соответствии с постановлением о невыдаче тел погибших их семьям, датированным 15 мая 2006 года. В отличие от отдельных решений от 13-14 апреля 2006 года, в постановлении от 15 мая 2006 года все умершие перечислены общим списком. В постановлении говорилось, в частности:

“... Руководитель следственной группы... [следователь С.], рассмотрев материалы уголовного дела №25/78-05, установил: ... [что] в ходе проведения антитеррористической операции по отражению нападения, с целью пресечения совершаемого террористического акта были уничтожены 95 террористов, а именно:

[В постановлении перечислены имена всех погибших, чьими родственниками являются заявители, указанные в приложении].

В настоящее время все судебные экспертизы, в том числе и молекулярно-генетические, сопряженные с исследованием трупов погибших террористов, окончены, и личность каждого из них установлена в процессуальном порядке.

Постановлением от 13-14 апреля 2006 года уголовное преследование в отношении 95 лиц, совершивших вышеуказанные преступления, в том числе террористическое нападение на объекты и сотрудников правоохранительных органов г. Нальчика, а также гражданских лиц и ликвидированных в результате пресечения совершенного ими террористического акта, прекращено в связи с их смертью на основании п.2 ч.1 ст. 27 и п.4. ч.1 ст. 24 УПК РФ.

В соответствии со ст.14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» №8-ФЗ «погребение лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с их участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения данной террористической акции, осуществляется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Тела указанных лиц для захоронения не выдаются, и о месте их захоронения не сообщается».

В соответствии с пунктом 3 Положения, утвержденного постановлением Правительства РФ от 26.03.2003 г. №164 «О погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта»: «Погребение лиц, уголовное преследование которых в связи с участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения совершенной ими террористической акции, осуществляется по месту наступления смерти специализированными службами по вопросам похоронного дела, создаваемыми органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации или органами местного самоуправления...»

[На основании вышеизложенного, следователь С. постановил:]

1. Захоронить трупы 95 террористов...;
2. Постановление для исполнения направить Президенту Кабардино-Балкарской Республики;
3. О принятом решении сообщить заместителю Генерального прокурора РФ”.

28. Правительство утверждало, что власти уведомили заявителей о постановлении от 15 мая 2006 года, но признало, что ни одна копия этого постановления не была им представлена.

29. По всей видимости, в ряде случаев Генеральная прокуратура сообщила заявителям об отказе выдать тела. Но это не означает, что заявители получили копию постановления от 15 мая 2006 года.

30. Заявители утверждали, что они впервые получили копию постановления от 15 мая 2006 года в мае 2007 года вместе с

замечаниями Правительства по вопросу о приемлемости жалобы, поданной в ЕСПЧ. Они также указали, что узнали о кремации тел своих умерших родственников в сентябре 2007 года (см. пункт 26 выше).

5. Попытки заявителей оспорить постановления в судебном порядке

31. Заявители попытались сначала добиться пересмотра постановлений от 13-14 апреля и 15 мая 2006 году в судебном порядке, но безрезультатно, так как суды отказались рассматривать их аргументы.

(а) Рассмотрение дела в Конституционном суде

32. Несколько заявителей подали жалобы в Конституционный суд, оспаривая легитимность положений о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения террористического акта. Их первоначальные жалобы были отклонены как преждевременные. В конечном счете, жалобы тринадцатого и двадцать четвертого заявителей были рассмотрены.

33. 28 июня 2007 года Конституционный суд вынес постановление (№8-Р), в котором заявителям было отказано в удовлетворении их жалоб на то, что Статья 14.1 Федерального закона РФ «О погребении и похоронном деле» и Положение №164 Правительства Российской Федерации от 20 марта 2003 года противоречат Конституции. Постановление гласит, в частности, что предпринятые в данном деле меры были допустимыми и - при данных обстоятельствах — необходимыми и законными. Конституционный Суд пришел к следующим выводам относительно законности целей и необходимости применения названного закона в данном случае:

«... Вместе с тем интересы пресечения терроризма, его общей и специальной превенции, ликвидации последствий террористических актов, сопряженных с возможностью массовых беспорядков, столкновений различных этнических групп, эксцессов между родственниками лиц, причастных к террористическому актом, населением и правоохранительными органами, угрозой жизни и здоровью людей, могут обуславливать в определенных конкретно-исторических условиях установление особого правового регулирования погребения лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения террористического акта, как это предусматривается статьей 14 Федерального закона «О погребении и похоронном деле». Ее положения логически связаны с содержанием пункта 4 Рекомендации 1687 (2004) от 23 ноября 2005 года Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Борьба с терроризмом средствами культуры», в котором подчеркивается, что экстремистская интерпретация элементов той или иной культуры или религии, таких как героическая мученическая смерть, а также светских идеологий (национальных и революционных) также может использоваться для оправдания террористических актов.

3.2. Минимизация информационного и психологического воздействия, оказанного на населения террористическим актом, в том числе ослабление его агитационно-пропагандистского эффекта, является одним из необходимых способов защиты общественной безопасности, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, т.е. преследует именно те цели, с которыми Конституция Российской Федерации и международно-правовые документы связывают допустимость ограничения соответствующих прав и свобод.

Захоронение лица, принимавшего участие в террористическом акте, в непосредственной близости от могил жертв его действий, совершение обрядов захоронения и поминовения с отдаванием почестей как символу, к объекту поклонения, с одной стороны, служат пропаганде идей террора, а с другой – оскорбляют чувства родственников жертв этого акта и создают предпосылки нагнетания межнациональной и религиозной розни.

В конкретных условиях, сложившихся в Российской Федерации в результате совершения серии террористических актов, повлекших многочисленные человеческие жертвы, вызвавших широкий негативный общественный резонанс и оказывавших огромное влияние на массовое общественное сознание, выдача родственникам для захоронения тел лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, способна создать угрозу общественному порядку и общественному спокойствию, правам и законным интересам других лиц, их безопасности, в том числе привести к разжиганию ненависти, спровоцировать акты вандализма, насильственные действия, массовые беспорядки и столкновения, что можно повлечь за собой новые жертвы, а места захоронения участников террористических актов могут стать местами культового поклонения отдельных экстремистски настроенных лиц, будут использоваться ими в качестве средства пропаганды идеологии терроризма и вовлечения в террористическую деятельность.

При таких обстоятельствах федеральный законодатель был вправе ввести особый порядок погребения лиц, чья смерть наступила в результате пресечения террористического акта, участниками которого они являлись...»

34. В постановлении далее говорится, что право на обжалование законности и эффективности действий и решений органов и лиц, осуществляющих предварительное расследование, прокурора и суда имеют не только участники уголовного процесса, но и те, чьих интересов это касается. Суд указывает, что этот принцип нашел отражение в Статьях 123-127 Уголовно-процессуального кодекса РФ (см. далее пункт 87).

35. В итоге суд представил так называемое конституционно-правовое истолкование оспариваемых положений, и в то же время интерпретировал их как требование дождаться окончания расследования до принятия решения о том, возвращать ли тела.

«Данные нормы, по своему конституционно-правовому смыслу, предполагают возможность обжалования в судебном порядке постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении принимавших участие в совершении террористического акта лиц в связи с их смертью и, соответственно, обязанность суда рассмотреть такую жалобу по

существо, т. е. проверить законность и обоснованность постановления, содержащихся в нем выводов об участии этих лиц в террористическом акте, установить отсутствие реабилитирующих оснований для прекращения уголовного дела и тем самым – правомерность применения указанных ограничительных мер; до вступления решения суда в законную силу тела (останки) погибших не могут быть погребены; соответствующие государственные органы и должностные лица обязаны принимать необходимые меры для того, чтобы погребение производилось с соблюдением обычаев и традиций, в частности посредством предания тел (останков)... по возможности индивидуально, и чтобы этому предшествовало соблюдение всех требований относительно установления личности погибшего (при невозможности – предоставления идентификационных данных), времени и места смерти, причины смерти».

36. Судья Г.А. Гаджиев выразил особое мнение, в котором он одобрил основные выводы суда о конституционно-правовом истолковании оспоренных правовых норм, но не согласился с мотивами и степенью его применения *de facto*. Он указал на следующее:

«...если соответствующие правоохранительные органы, констатируя в результате проведенного предварительного следствия факт совершения террористической акции и причастность к ней лица, уголовное дело (уголовное преследование) в отношении которого прекращено в связи с его смертью, наступившей в результате пресечения совершенного им террористического акта, придут к выводу, что выдача тела этого лица его родственникам для захоронения способна создать угрозу общественному порядку и общественному спокойствию, здоровью или нравственности, правам и законным интересам других лиц, их безопасности, они вправе вынести решение об отказе в выдаче тела и о применении особого порядка захоронения.

При этом в случае отказа выдать тело лица, чья смерть наступила в результате пресечения совершенно им террористической акции, принимающие решение о его захоронении органы должны обеспечить соблюдение всех требований относительно установления личности погибшего, времени и места смерти, причины смерти, указания места погребения и данных, необходимых для опознания могил (определенная территория, номер). Захоронение должно быть произведено с участием родственников с соблюдением обычаев и традиций, а также гуманитарных правил уважения к мертвым. Административные власти правового государства должны уважать культурные ценности мультинационального общества, передаваемые из поколения в поколение...»

37. Судья А.Л.Кононов выразил особое мнение, в котором он характеризует обсуждаемый закон как однозначно безнравственный, незаконный и в целом противоречащий Конституции. В частности, он заметил:

«...Оспариваемые нормы, запрещающие выдачу тел погибших и устанавливающие анонимность их захоронения, являются абсолютно аморальными, отражающими самые дикие, варварские и низменные представления прошлого...

Едва ли требует особого обоснования или даже письменного закрепления в законе право каждого человека быть похороненным достойным образом в соответствии с традициями и обычаями его рода. Это право, очевидно, и вытекает из человеческой природы как, может быть, никакое другое из естественных прав. Столь же естественно и бесспорно право каждого осуществить погребение родного и близкого человека, иметь возможность проявить свой моральный долг и человеческие чувства, проститься, скорбеть, оплакивать и поминать умершего, каким бы он ни был для общества и государства, иметь право на могилу, которая во всех цивилизациях представляет сакральную ценность и символ памяти...»

(b) Последующее судопроизводство по делу

38. После вынесения Конституционным судом постановления от 28 июня 2007 года национальные суды, по всей видимости, изменили свой подход и формально пересмотрели законность постановлений от 13-14 апреля и 15 мая 2006 года.

39. Трое заявителей (№12, №21 и №33) смогли получить копию постановления от 13-14 апреля 2006 года, касающуюся их умерших родственников, но они не предприняли никаких расследований в связи с этим постановлением или постановлением от 15 мая 2006 года.

40. Пятнадцать заявителей (№1, №2, №4, №8, №18, №25, №26, №32, №34, №35, №37, №39, №42, №43 и №44) не потребовали и не получили копию постановления от 13-14 апреля 2006 года и не возбуждали дело ни по одному из этих постановлений.

41. Остальные заявители, за исключением трех (см. пункты 39, 42 и 43) получили копию постановления от 13-14 апреля 2006 года, касающихся их умерших родственников, и обратились в суд, оспаривая законность указанного процессуального решения.

42. Семь заявителей (№ 3, №15, №17, №30, №38, №41 и №49; см. таблицу 1 в приложении) после нескольких стадий судебного разбирательства получили удовлетворительные постановления, принятые Верховным судом Республики Кабардино-Балкарии, который отменил и постановление от 13-14 апреля 2006 года и постановление от 15 мая 2006 года как незаконные. Что касается постановления от 13-14 апреля 2006 года, то суд отметил, что в них не учитывались недавние изменения, принятые в статье 205 Уголовного кодекса (см. пункт 76 ниже), и поэтому суд вернул дело в следственные органы для пересмотра. Постановление от 15 мая 2006 года было отменено, так как оно было основано на постановлении от 13-14 апреля 2006 года и не было вынесено компетентным должностным лицом. По словам заявителей, эти постановления не были исполнены.

43. Очевидно, что национальные суды впоследствии изменили свою позицию в связи с требованием учитывать изменения в статье 205 Уголовного кодекса и последовали отмены постановления в порядке надзора (см. далее пункт 45).

44. Девятнадцать заявителей (№5, №6, №9, №10, №11, №13, №14, №16, №19, №20, №22, №24, №27, №28, №31, №40, №45, №46, №50, см. таблицу 2 в приложении) после нескольких стадий судебного разбирательства получили удовлетворительные постановления, принятые Верховным судом Республики Кабардино-Балкарии. Эти дела касались только постановления от 13-14 апреля 2006 года, и в результате судопроизводства оно было отменено как незаконное. Суд отметил, что постановление не учитывает недавних изменений в статье 205 Уголовного кодекса, и вернул дело в следственные органы для пересмотра. Эти заявители, по-видимому, не обжаловали постановление от 15 мая 2006 года. По словам заявителей, постановления остались неисполненными.

45. Согласно информации, представленной Правительством в связи с процессуальными действиями, предпринятыми в отношении тринадцатой заявительницы, то в ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции вынесено окончательное постановление от 3 ноября 2007 года, которым оставлено в силе постановление от 13-14 апреля 2006 года..

46. В ходе внутреннего судопроизводства, проводимого по жалобам заявителей №7, №23 и №47 (см. таблицу 3 в приложении), всем трем было отказано в выдаче копий постановления от 13-14 апреля 2006 года в отношении их умерших родственников, и поэтому в суде не смогли рассмотреть законность постановлений от 13-14 апреля и 15 мая 2006 года. Верховный суд Кабардино-Балкарии специально указал в соответствующих постановлениях, что следственные органы незаконно отказали заявителям в праве получить копии постановления от 13-14 апреля 2006 года, а также в праве доступа к соответствующим материалам в отношении умерших членов семей этих заявителей. В своих замечаниях Правительство государства-ответчика пояснило, что доказательства, собранные в ходе расследования в отношении умерших членов семей заявителей, о которых идет речь, также были использованы в уголовных делах в отношении оставшихся в живых участников нападения, и что вышеупомянутый отказ был обоснован необходимостью сохранить целостность этих уголовных дел.

47. Два заявителя (№29 и №36, см. таблицу 4 в приложении) получили копию постановления от 13-14 апреля 2006 года в отношении их умерших родственников и безуспешно оспаривали их в суде. Верховный суд Кабардино-Балкарии отклонил их жалобы и оставил в законной силе постановление. Эти заявители впоследствии в том же самом суде обжаловали постановление от 15 мая 2006 года, и суд признал его незаконным, поскольку оно не было принято компетентным должностным лицом.

48. Сорок восьмая заявительница Оксана Николаевна Даова получила копию постановления от 13-14 апреля 2006 года в отношении ее брата Валерия Николаевича Тлеужева и ее мужа Зураба Назрановича

Даова и безуспешно оспаривала их в суде. В окончательных постановлениях от 6 февраля 2007 года и 8 июля 2008 года, в отношении ее брата и мужа соответственно, Верховный суд Республики Кабардино-Балкарии отклонил ее жалобы. По всей видимости, заявительница не обжаловала в каких-либо судебных инстанциях постановление от 15 мая 2006 года.

49. Правительство утверждало, что заявители могли беспрепятственно получить копии постановлений от 13-14 апреля 2006 года и соответствующих материалов.

50. Сорок восьмой заявитель указал, что только некоторым из заявителей был предоставлен доступ к документам.

D. Условия хранения тел погибших в результате нападения 13 октября 2005 года

1. Доводы заявителей

51. По утверждениям заявителей, которые приняли участие в процедуре опознания через несколько дней после событий 13 и 14 октября 2005 года, трупы хранились в морге и в некоторых других помещениях в совершенно неудовлетворительных условиях. В частности, в помещении был сильнейший запах, и тела погибших были сложены друг на друга.

52. В неуказанное время Г-жа Г.Г. Кушхова, одна из родственниц, которая принимала участие в идентификации тел, заявила в своих письменных показаниях, что трупы лежали друг на друге и хранились при уличной температуре, трупы уже разлагались, и от них шел сильный запах. Г-жа Ф.Н. Архагова, сорок вторая заявительница в письменных показаниях утверждала, что она видела тела на девятый день после случившихся событий, что некоторые трупы разлагались и на них были черви. Г-н Керешев, муж шестнадцатой заявительницы, утверждал, что он принимал участие в опознании тел 15 октября 2005 года и что голые тела лежали друг на друге. Аналогичные письменные показания дали также Г-н Алакаев, муж пятой заявительницы, и Г-жа Сабанчиева, первая заявительница.

53. Заявители в качестве доказательства представили видеозапись, которая, по-видимому, была сделана в вагоне-рефрижераторе и подтверждала, что тела были голыми и что некоторые из них были сложены друг на друга.

2. Ответ Правительства от 6 декабря 2005 года

54. В ответ на запрос Суда от 4 ноября 2005 года Правительство сообщило, что тела участников вооруженного нападения на город

хранятся «в помещении, специально предусмотренном для длительного хранения трупов и оснащенном для этого всем необходимым оборудованием».

3. Ответ Генеральной прокуратуры от 14 апреля 2006 года

55. В ответ на запрос заявителей об условиях хранения тел погибших, Генеральная прокуратура ответила в письме от 14 апреля 2006 года, что трупы хранятся в специальном помещении, оборудованном морозильными камерами, при температуре, обеспечивающей их сохранность. Власти отказались сообщить о месте хранения трупов.

4. Замечания Правительства относительно хранения тел

56. В своих замечаниях относительно приемлемости жалобы 22 мая 2007 года Правительство заявило, что сразу после завершения осмотров мест происшествий тела были направлены в морг г. Нальчика. Перед проведением судебно-медицинских экспертиз были проведены осмотры трупов и изъята одежда. После завершения экспертиз тела были помещены в два вагона-рефрижератора, имеющих необходимое оборудование для длительного хранения тел, после чего они были вывезены в г. Ростов-на-Дону для проведения молекулярно-генетических экспертиз. Правительство также указало, что сразу после нападения не было возможности обеспечить надлежащие хранение тел, что и было отражено в видеозаписи, представленной заявителям.

5. Замечания заявителей относительно опознания тел погибших

57. В представленных материалах нет информации, подтверждающей или опровергающей, что четверо заявителями (№2, №8, №26 и №32) принимали участие в процедуре опознания тел своих родственников.

58. Тринадцать заявителей (№4, №35, №6, №11, №14, №16, №30, №33, №36, №41, №44, №46 и №50) не принимали участия в процедуре опознания тел, так как тела их родственников были опознаны кем-то другим.

59. Остальные тридцать три заявителя (№1, №3, №7, №9, №10, №12, №13, №15, №17, №18, №19, №20, №21, №22, №23, №24, №25, №27, №28, №29, №31, №34, №35, №37, №38, №39, №40, №42, №43, №45, №47, №48 и №49) предоставили письменные заявления, подтверждающие их личное участие в процедуре опознания (см. таблицу 5 в приложении).

60. По словам заявителей, они получили доступ к телам как в морге города Нальчик, так и в двух вагонах-рефрижераторах, расположенных

на территории, принадлежащей Министерству внутренних дел. Получение заявителями доступа к телам было случайным, и не все, кто хотел принять участие в процедуре опознания, получили разрешение. В ряде случаев доступ к телам не было документирован должным образом.

61. В связи с тем, что границы объектов, в которых находились тела, были ограничены то, как правило, тела были окружены толпой родственников погибших.

6. Дополнительные замечания Правительства относительно опознания тел погибших

62. Правительство частично оспорило доводы заявителей. Оно указало на протоколы опознания тел, подтверждающие, что все четыре заявителя, перечисленные в пункте 57, и сорок четвертая заявительница Любовь Михайловна Гонибова принимали участие в опознании. Правительство оспорило факты личного участия в процедуре опознания заявительницы №9 (А.Ю. Архестова), заявителей №№17-19 (Б.М. Керемов, М.К. Аттоев, Ж.Ф. Ифраимова) и заявителя №39 (К.М. Амшонов). Оно подтвердило участие в опознании всех остальных заявителей, перечисленных в пункте 59.

63. В письменных замечаниях Правительства указывалось, что изначально все трупы хранились в морге г. Нальчика. Между 14 и 18 октября 2005 года заявители опознали тела и одежду. С 19 октября 2005 года тела погибших находились в двух вагонах-рефрижераторах. 1 ноября 2005 года вагоны были доставлены в город Ростов-на-Дону для проведения молекулярно-генетических экспертиз, и 22 июня 2006 года все тела были кремированы. Между 13 и 22 октября 2005 года лицом, ответственным за процедуру опознания, являлся руководитель следственной группы следователь П. С 22 октября 2005 года его сменил следователь С.

64. Согласно последним замечаниям Правительства, общее число пострадавших в результате событий 13 октября 2005 года составило двадцать гражданских лиц, тридцать пять полицейских и сотрудников правоохранительных органов и восемьдесят семь участников нападения.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

А. Соответствующие положения Закона "О погребении и похоронном деле"

65. Федеральный закон от 12 января 1996 г. N 8-ФЗ "О погребении и похоронном деле" в соответствующих частях гласит:

Статья 3. Погребение

Настоящий Федеральный закон определяет погребение как обрядовые действия по захоронению тела (останков) человека после его смерти в соответствии с обычаями и традициями, не противоречащими санитарным и иным требованиям. Погребение может осуществляться путем предания тела (останков) умершего земле (захоронение в могилу, склеп), огню (кремация с последующим захоронением урны с прахом), воде (захоронение в воду в порядке, определенном нормативными правовыми актами Российской Федерации).

Статья 4. Места погребения

1. Местами погребения являются отведенные в соответствии с этическими, санитарными и экологическими требованиями участки земли с сооружаемыми на них кладбищами для захоронения тел (останков) умерших, стенами скорби для захоронения урн с прахом умерших (пеплом после сожжения тел (останков) умерших, далее - прах), крематориями для предания тел (останков) умерших огню, а также иными зданиями и сооружениями, предназначенными для осуществления погребения умерших...

Статья 5. Волеизъявление лица о достойном отношении к его телу после смерти

1. Волеизъявление лица о достойном отношении к его телу после смерти (далее - волеизъявление умершего) - пожелание, выраженное в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме:

- о согласии или несогласии быть подвергнутым патологоанатомическому вскрытию;
- о согласии или несогласии на изъятие органов и (или) тканей из его тела;
- быть погребенным на том или ином месте, по тем или иным обычаям или традициям, рядом с теми или иными ранее умершими;
- быть подвергнутым кремации;
- о доверии исполнить свое волеизъявление тому или иному лицу.

2. Действия по достойному отношению к телу умершего должны осуществляться в полном соответствии с волеизъявлением умершего, если не возникли обстоятельства, при которых исполнение волеизъявления умершего невозможно, либо иное не установлено законодательством Российской Федерации.

3. В случае отсутствия волеизъявления умершего право на разрешение действий, указанных в пункте 1 настоящей статьи, имеют супруг, близкие родственники (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, дедушка, бабушка), иные родственники либо законный представитель умершего, а при отсутствии таковых иные лица, взявшие на себя обязанность осуществить погребение умершего.

Статья 6. Исполнители волеизъявления умершего

Исполнителями волеизъявления умершего являются лица, указанные в его волеизъявлении, при их согласии взять на себя обязанность исполнить волеизъявление умершего. В случае отсутствия в волеизъявлении умершего указания на исполнителей волеизъявления либо в случае их отказа от исполнения волеизъявления умершего оно осуществляется супругом, близкими родственниками, иными родственниками либо законным представителем умершего. В случае мотивированного отказа кого-либо из указанных лиц от исполнения волеизъявления умершего оно может быть исполнено иным лицом, взявшим на себя обязанность осуществить погребение

умершего, либо осуществляется специализированной службой по вопросам похоронного дела.

Статья 7. Исполнение волеизъявления умершего о погребении

1. На территории Российской Федерации каждому человеку после его смерти гарантируются погребение с учетом его волеизъявления, предоставление бесплатно участка земли для погребения тела (останков) или праха в соответствии с настоящим Федеральным законом...

Статья 8. Гарантии при осуществлении погребения умершего

Супругу, близким родственникам, иным родственникам, законному представителю умершего или иному лицу, взявшему на себя обязанность осуществить погребение умершего, гарантируются:

1) выдача документов, необходимых для погребения умершего, в течение суток с момента установления причины смерти; в случаях, если для установления причины смерти возникли основания для помещения тела умершего в морг, выдача тела умершего по требованию супруга, близких родственников, иных родственников, законного представителя умершего или иного лица, взявшего на себя обязанность осуществить погребение умершего, не может быть задержана на срок более двух суток с момента установления причины смерти;

В. Определения террористической деятельности и терроризма в законодательстве

66. Статья 3 Закона Российской Федерации «О борьбе с терроризмом» № 130-ФЗ дает следующее определение понятия терроризм:

«...насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено».

67. Террористическая деятельность определяется этим законом как включающая в себя

«1) организацию, планирование, подготовку и реализацию террористической акции;

2) подстрекательство к террористической акции, насилию над физическими лицами или организациями, уничтожению материальных объектов в террористических целях;

3) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для совершения террористической акции, а равно участие в такой акции;

4) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

5) финансирование заведомо террористической организации или террористической группы или иное содействие им»

68. Статья 3 определяет террористический акт как

«...непосредственное совершение преступления террористического характера в форме взрыва, поджога, применения или угрозы применения ядерных взрывных устройств, радиоактивных, химических, биологических, взрывчатых, токсических, отравляющих, сильнодействующих, ядовитых веществ; уничтожения, повреждения или захвата транспортных средств или других объектов; посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, представителя национальных, этнических, религиозных или иных групп населения; захвата заложников, похищения человека; создания опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц путем создания условий для аварий и катастроф техногенного характера либо реальной угрозы создания такой опасности; распространения угроз в любой форме и любыми средствами; иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий».

69. Согласно этой Статье террористом считается

«лицо, участвующее в осуществлении террористической деятельности в любой форме».

С. Законы, предусматривающие вопрос о захоронении террористов

70. 26 октября 2002 года было совершено террористическое нападение во время проведения театральной постановки «Норд-Ост» в городе Москве. В результате инцидента среди заложников были большие потери, в том числе гибель десятков людей (см. *Finogenov and Others v. Russia*, №18299/03 и 27311/03, §§ 8-14, ECHR 2011 (выдержки)).

71. Спустя короткое время после этого нападения, 11 декабря 2002 года, Россия внесла изменения в Закон «О борьбе с терроризмом» и включила статью 16.1, в которой говорилось что:

«...захоронение террористов, умерших в результате пресечения террористического акта, производится в соответствии с порядком,

установленным Правительством Российской Федерации. Их тела не выдаются для захоронения, место их погребения не разглашается».

72. В то же время Россия также приняла изменения в закон «О погребении и похоронном деле» (ФЗ - №170) была внесена статья 14.1., которая гласит:

«...захоронение лиц, уголовное дело в отношении которых по подозрению в участии в террористической деятельности было прекращено в связи с их смертью, происшедшей во время пресечения террористического акта, производится в соответствии с процедурой, предусмотренной Правительством Российской Федерации. Их тела не выдаются для захоронения, место их погребения не разглашается».

73. Постановлением №164 Правительство Российской Федерации (20 марта 2003 года) одобрило изменения к Статье 16.1 Закона «О борьбе с терроризмом», в которых о процедуре захоронения лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенной ими террористической деятельности, говорится следующее:

«3. Погребение лиц, указанных в пункте 2 настоящего Положения, осуществляется по месту наступления смерти специализированными службами по вопросам похоронного дела, создаваемыми органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации или органами местного самоуправления в соответствии со статьей 25 Федерального закона "О погребении и похоронном деле".

4. Услуги, оказываемые специализированной службой по вопросам похоронного дела при погребении лиц, указанных в пункте 2 настоящего Положения, включают: оформление документов, необходимых для погребения; облачение тела; предоставление гроба; перевозку тела (останков) к месту погребения (кремации); погребение.

Перевозка тела (останков) к месту погребения (кремации) железнодорожным или авиационным транспортом осуществляется при наличии разрешения на перевозку, выдаваемого в установленном порядке.

Определение места погребения осуществляется с учетом ограничений, предусмотренных Федеральным законом "О погребении и похоронном деле".

5. Для осуществления погребения должностное лицо, проводящее предварительное следствие, направляет в соответствующую специализированную службу по вопросам похоронного дела необходимые сопроводительные документы, в том числе копию постановления о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в отношении лиц, указанных в пункте 2 настоящего Положения, а в орган загса по последнему месту постоянного жительства лица - заявление о смерти.

Заявление о смерти лица, не имевшего до смерти постоянного места жительства, направляется в орган загса по месту наступления смерти.

О смерти иностранных граждан должностное лицо, проводящее предварительное следствие, извещает посольства соответствующих государств через Департамент консульской службы Министерства иностранных дел Российской Федерации.

6. Родственникам лиц, указанных в пункте 2 настоящего Положения, должностным лицом, проводящим предварительное следствие, направляется уведомление о том, в какой орган загса им надлежит обратиться за получением свидетельства о смерти.

7. По решению должностного лица, проводящего предварительное следствие, родственникам лиц, указанных в пункте 2 настоящего Положения, могут предоставляться копии документа о смерти, выданного медицинской организацией, и акта патологоанатомического вскрытия (если оно производилось), а также передаваться личные вещи лица, не подлежащие изъятию.

8. Специализированная служба по вопросам похоронного дела составляет акт о произведенном погребении, который направляется должностному лицу, проводящему предварительное следствие, и подлежит приобщению к уголовному делу».

Д. Постановление №16-П Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 года

74. 14 июля 2011 года Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел поданное двумя гражданами РФ дело о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 УПК РФ (основания для отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела) и пункта 1 статьи 254 УПК РФ (прекращение уголовного дела судом в судебном заседании). Суд [в этом постановлении](#) пришел к выводу о том, что вышеупомянутые статьи кодекса являются неконституционными, поскольку они допускают возможность прекращения уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (или обвиняемого) без получения согласия близких родственников этого человека. Суд отметил, в частности, следующее:

«...Соблюдение фундаментальных процессуальных гарантий прав личности, включая презумпцию невиновности, должно обеспечиваться и при разрешении вопроса о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию. Принимая решение об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела на досудебных стадиях уголовного процесса, компетентные государственные органы должны исходить из того, что лица, в отношении которых прекращено уголовное преследование, виновными в совершении преступления либо (что равнозначно) в деянии, содержащем все признаки состава преступления, не признаны, а значит, и не могут быть названы таковыми - в конституционно-правовом смысле эти лица могут считаться лишь привлекавшимися к участию в уголовном судопроизводстве на соответствующей стадии ввиду выдвижения против них подозрения или обвинения...

Между тем при прекращении уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) прекращается и дальнейшее доказывание его виновности, но при этом подозрение или обвинение в совершении преступления с него не снимается, - напротив, по существу, констатируется совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, конкретным лицом, от уголовного преследования которого государство отказывается по причине его смерти... Тем самым такое лицо без вынесения и вступления в законную силу обвинительного приговора суда фактически признается виновным в совершении преступления, что может рассматриваться как несоблюдение государством обязанности обеспечить судебную защиту его чести, достоинства и доброго имени, гарантированную... Конституцией Российской Федерации, а лицам, чьи интересы могут непосредственно затрагиваться последствиями принятия решения о прекращении уголовного дела, - и доступ к правосудию...

Прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию возможно лишь в том случае, если будут обеспечены гарантируемые Конституцией Российской Федерации права участников уголовного судопроизводства, что предполагает, в частности, необходимость получения согласия подозреваемого (обвиняемого) на прекращение уголовного дела...

Если же лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, возражает против прекращения уголовного судопроизводства по нереабилитирующему основанию, ему должна предоставляться возможность... продолжения производства по уголовному делу и направления его в суд для рассмотрения по существу и тем самым - судебной защиты его прав...

[Суд, проанализировав положения применимого внутреннего законодательства, сделал вывод о том, что] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не предоставляет каким бы то ни было лицам [в том числе родственникам умершего человека, в отношении которого было прекращено уголовное дело] правомочий по защите прав умершего подозреваемого (обвиняемого). Поскольку заинтересованные лица, прежде всего близкие родственники умершего, в таких случаях к участию в деле не допускаются, процессуальные решения, затрагивающие конституционные права подозреваемого (обвиняемого), а также права и законные интересы его близких родственников, принимаются соответственно дознавателем, следователем или судом - без участия стороны защиты.

...Такие ограничения не имеют объективного и разумного оправдания и ведут к нарушению гарантий, предусмотренных Конституцией Российской Федерации.

[Кроме того, суд решает, что] защита прав и законных интересов близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого), имеющая целью его реабилитацию, также должна осуществляться в уголовно-процессуальных формах путем предоставления им необходимого правового статуса и вытекающих из него прав.

Права и законные интересы умершего подозреваемого (обвиняемого) и его близких родственников, затронутые решением о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному пунктом 4 части первой статьи 24 УПК

Российской Федерации, не могут быть в полной мере защищены и с помощью обжалования данного решения в суд в порядке его статьи 125.

Следовательно, применительно к прекращению уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) защита конституционных прав личности не может быть обеспечена без предоставления близким родственникам умершего права настаивать на продолжении производства по уголовному делу с целью его возможной реабилитации и соответствующей обязанности публичного органа, ведущего уголовный процесс, обеспечить реализацию этого права».

Е. Соответствующие положения Уголовного кодекса РФ

75. Статья 105 (“Убийство”) Уголовного кодекса, действующего в настоящее время, гласит:

“1. Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, - наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового”.

76. Статья 205 (“Терроризм”) Уголовного кодекса, действовавшего до вступления в силу 1 января 2007 года Федерального закона №153-ФЗ от 27 июля 2006 года, предусматривала:

“1. Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях - наказываются лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет...”

77. Указанный Федеральный закон от 27 июля 2006 года переименовал и внес изменения в Статью 205 Уголовного кодекса, которая теперь озаглавлена как “Террористический акт” и гласит:

“1. Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях - наказывается лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет”.

Г. Соответствующие положения в Уголовно-процессуальном кодексе

78. Статья 5 УПК РФ предусматривает, что близкие родственники — это супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки.

79. Часть 1 Статьи 11 УПК РФ гласит:

“...Суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав”.

80. Статьи 20 и 21 УПК РФ и Статья 16 УК РФ предусматривают, что дела, в результате которых произошла смерть человека, и дела, связанные с публичным обвинением, расследуются независимо от воли лица, пострадавшего от преступления. Во всех случаях, где имеются соответствующие признаки совершения преступления, власти должны принять меры, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом, направленные на расследование событий и установление лица или лиц, виновных в совершении преступления.

81. Статья 22 УПК РФ описывает статус потерпевшего в ходе уголовного преследования:

“Потерпевший, его законный представитель и (или) представитель вправе участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, а по уголовным делам частного обвинения...”

82. Статья 24 УПК РФ перечисляет возможные основания для решения об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела:

“(1). Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по следующим основаниям:

...

(4) смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего...”

83. Статья 27 УПК РФ гласит:

“1. Уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого прекращается по следующим основаниям:

...

2) прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным пунктами 1 - 6 части первой статьи 24 настоящего Кодекса...”

84. Часть 2 Статьи 27 УПК РФ перечисляет ситуации, в которых властям необходимо получить согласие подозреваемого или обвиняемого на прекращение уголовного преследования. В статье не указано, что необходимо получать чье-либо согласие в случае смерти этого лица.

85. Статья 42 УПК РФ дает определение потерпевшего как “физического лица, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред” в результате уголовного преступления, и постановление о признании потерпевшим выносит следователь или суд. Далее в Статье говорится:

“...(2) Потерпевший вправе:

4) представлять доказательства;

5) заявлять ходатайства и отводы;

...

8) иметь представителя;

9) участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя;

...

12) знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела...;

13) получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, признании его потерпевшим или об отказе в этом, о прекращении уголовного дела, приостановлении производства по уголовному делу...;

22) осуществлять иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом».

Часть 8 этой Статьи предусматривает:

“По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего, предусмотренные настоящей статьёй, переходят к одному из его близких родственников”.

86. Статья 45 УПК РФ гласит:

“1. Представителями потерпевшего... могут быть адвокаты ...

4. Личное участие в уголовном деле потерпевшего, гражданского истца или частного обвинителя не лишает его права иметь по этому уголовному делу представителя”.

87. Статья 19 УПК РФ предусматривает право на обжалование постановлений различных органов власти в соответствии с процедурой, заложенной в Кодексе, и в частности в Статьях 123-127, которые гласят:

«Статья 123. Право на обжалование

Действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда могут быть обжалованы в установленном настоящим Кодексом порядке участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы.

Статья 124. Порядок рассмотрения жалобы прокурором, руководителем следственного органа

1. Прокурор, руководитель следственного органа рассматривает жалобу в течение 3 суток со дня ее получения. В исключительных случаях, когда для проверки жалобы необходимо истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры, допускается рассмотрение жалобы в срок до 10 суток, о чем извещается заявитель.

2. По результатам рассмотрения жалобы прокурор, руководитель следственного органа выносит постановление о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении.

3. Заявитель должен быть незамедлительно уведомлен о решении, принятом по жалобе, и дальнейшем порядке его обжалования.

4. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, дознаватель, следователь вправе обжаловать действия (бездействие) и решения прокурора или руководителя следственного органа соответственно вышестоящему прокурору или руководителю вышестоящего следственного органа.

Статья 125. Судебный порядок рассмотрения жалоб

1. Постановления дознавателя и следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту производства предварительного расследования.

2. Жалоба может быть подана в суд заявителем, его защитником, законным представителем или представителем непосредственно либо через дознавателя, следователя, руководителя следственного органа или прокурора.

3. Судья проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора не позднее чем через 5 суток со дня поступления жалобы в судебном заседании с участием заявителя и его защитника, законного представителя или представителя, если они участвуют в уголовном деле, иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением, а также с участием прокурора. Неявка лиц, своевременно извещенных о времени рассмотрения жалобы и не настаивающих на ее рассмотрении с их участием, не является препятствием для рассмотрения жалобы судом. Жалобы, подлежащие рассмотрению судом, рассматриваются в открытом судебном заседании, за исключением случаев, предусмотренных частью второй статьи 241 настоящего Кодекса.

4. В начале судебного заседания судья объявляет, какая жалоба подлежит рассмотрению, представляется явившимся в судебное заседание лицам, разъясняет их права и обязанности. Затем заявитель, если он участвует в судебном заседании, обосновывает жалобу, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица. Заявителю предоставляется возможность выступить с репликой.

5. По результатам рассмотрения жалобы судья выносит одно из следующих постановлений:

1) о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение;

2) об оставлении жалобы без удовлетворения.

6. Копии постановления судьи направляются заявителю, прокурору и руководителю следственного органа.

7. Принесение жалобы не приостанавливает производство обжалуемого действия и исполнение обжалуемого решения, если это не найдет нужным сделать орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа, прокурор или судья.

**Статья 127. Жалоба и представление на приговор, определение,
постановление суда**

1. Жалобы и представления на приговоры, определения, постановления судов первой и апелляционной инстанций, а также жалобы и представления на судебные решения, принимаемые в ходе досудебного производства по уголовному делу, приносятся в порядке, установленном главами 43-45 настоящего Кодекса.

2. Жалобы и представления на судебные решения, вступившие в законную силу, приносятся в порядке, установленном главами 48-49 настоящего Кодекса.

88. Статья 148 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает процедуру обжалования постановлений в случае отказа в возбуждении уголовного дела.

«1. При отсутствии основания для возбуждения уголовного дела следователь, орган дознания или дознаватель выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Отказ в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 24 настоящего Кодекса, допускается лишь в отношении конкретного лица.

2. При вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки сообщения о преступлении, связанного с подозрением в его совершении конкретным лицом или лиц, следователь, орган дознания обязаны рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела за заведомо ложный донос в отношении лица, заявившего или распространившего ложное сообщение о преступлении.

3. Информация об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки сообщения о преступлении, распространенного средством массовой информации, подлежит обязательному опубликованию.

4. Копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения направляется заявителю и прокурору. При этом заявителю разъясняются его право обжаловать данное постановление и порядок обжалования.

5. Отказ в возбуждении уголовного дела может быть обжалован прокурору, руководителю следственного органа или в суд в порядке, установленном статьями 124 и 125 настоящего Кодекса.

6. Признав отказ следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор выносит мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов руководителю следственного органа для решения вопроса об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Признав постановление органа дознания, дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор отменяет его и направляет соответствующее постановление начальнику органа дознания со своими указаниями.

7. Признав отказ в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, судья выносит соответствующее постановление, направляет его для исполнения руководителю следственного органа или начальнику органа дознания и уведомляет об этом заявителя».

Г. Соответствующие постановления Пленума Верховного суда России

89. Постановление пленума Верховного суда СССР от 1 ноября 1985 №16 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» обобщает и разъясняет существовавшую практику участия потерпевшего в ходе уголовного процесса в соответствии со старым Уголовно-процессуальным Кодексом 1960 года:

«2. ... потерпевшим должен признаваться гражданин, которому моральный, физический или имущественный вред причинен преступлением непосредственно. Признание потерпевшим не зависит от его возраста, физического или психического состояния.

4. ... по делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего, права, предусмотренные этими статьями имеют его близкие родственники, один из них с учетом достигнутой между ними договоренности признается потерпевшим. Если на предоставлении прав потерпевшего настаивают несколько лиц из числа близких родственников погибшего, они также могут быть признаны потерпевшими...»

90. В постановлении от 29 июня 2010 г. №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», которое в полном объеме заменило постановление №16 от 1 ноября 1985 года, Пленум Верховного суда Российской Федерации обобщает и разъясняет существующую практику участия потерпевшего в ходе уголовного процесса в соответствии с новым Уголовно-процессуальным Кодексом 2001 года

«2. В соответствии с законом потерпевший, являясь физическим лицом, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, ... имеет в уголовном процессе свои собственные интересы, для защиты которых он в качестве участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения наделен правами стороны.

Лицо, пострадавшее от преступления, признается потерпевшим независимо от его гражданства, возраста, физического или психического состояния и иных данных о его личности, а также независимо от того, установлены ли все лица, причастные к совершению преступления.

Судам следует иметь в виду, что вред потерпевшему может быть причинен как преступлением, так и запрещенным уголовным законом деянием, совершенным лицом в состоянии невменяемости...

3. В силу части 1 статьи 42 УПК РФ лицо, которому преступлением причинен вред, приобретает предусмотренные уголовно-процессуальным законом права и обязанности с момента вынесения дознавателем, следователем, руководителем следственного органа или судом постановления о признании его потерпевшим. Вместе с тем следует иметь в виду, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им.

Лицо может быть признано потерпевшим как по его заявлению, так и по инициативе органа, в производстве которого находится уголовное дело. Отказ в

признании лица потерпевшим, а также бездействие дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, выразившееся в непризнании лица потерпевшим, могут быть обжалованы этим лицом в досудебном производстве по уголовному делу в порядке, предусмотренном статьями 124 и 125 УПК РФ...

5. Исходя из того что потерпевшим признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред (часть 1 статьи 42 УПК РФ), все иные лица, в том числе близкие родственники потерпевшего, на чьи права и законные интересы преступление не было непосредственно направлено, по общему правилу, процессуальными возможностями по их защите не наделяются. Защита прав и законных интересов таких лиц осуществляется в результате восстановления прав лица, пострадавшего от преступления.

По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, пострадавшего от преступления, права потерпевшего переходят к одному из близких родственников погибшего...

7. По смыслу части 1 статьи 45 УПК РФ, представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут выступать не только адвокаты, но и иные лица, способные, по мнению этих участников судопроизводства, оказать им квалифицированную юридическую помощь...

9. Судам надлежит соблюдать требования закона о том, что потерпевший в целях реализации предоставленных ему уголовно-процессуальным законом полномочий вправе получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, признании его потерпевшим или об отказе в этом,... о приостановлении производства по уголовному делу,... а также копии иных процессуальных документов, затрагивающих его интересы (статья 42 УПК РФ).

11. Исходя из принципа равенства прав сторон (статья 244 УПК РФ) потерпевший пользуется равными со стороной защиты правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях...

Потерпевшему, его представителю, законному представителю на любом этапе уголовного судопроизводства должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию по существу дела и те доводы, которые он считает необходимыми для ее обоснования. При этом суду следует учитывать доводы потерпевшего по вопросам, которыми затрагиваются его права и законные интересы, и дать им мотивированную оценку при принятии судебного решения...

В целях создания необходимых условий для исполнения потерпевшим процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных ему прав,... судам при наличии к тому оснований следует принимать меры для оказания помощи потерпевшему в собирании доказательств (получении документов, истребовании справок и т.д.).

12. Потерпевший, законный представитель, представитель, а также гражданский истец и его представитель, согласно статьям 42, 44, 45 УПК РФ, вправе принимать участие во всех судебных заседаниях по рассматриваемому делу для защиты своих прав и законных интересов...»

III. ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ

91. Заявители утверждают, что ни одна европейская страна не имеет в своих законах положений, подобных Статье 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле».

92. Они также заявляют, что подобная практика имеет место *de facto* в Израиле и используется на уровне управления, не будучи закрепленной в законе. Они также ссылаются на постановления в деле *Barake and Others v. Minister of Defence & Others*, от 14 апреля 2002, № НСЖ 3114/02, в котором Верховный Суд Израиля осудил данную практику. По мнению заявителей, в 2004 году власти Израиля сообщили, что они положили конец существовавшей практике отказа возвращать тела палестинцев, «кроме исключительных обстоятельств».

93. Заявители также ссылались на семь сообщений Комитета по правам человека, вынесенных, согласно Международному пакту о гражданских и политических правах, по делам против Беларуси, Таджикистана и Узбекистана, в которых власти отказались сообщить родственникам заключенных, приговоренных к смертной казни о дате исполнения решения, вернуть тела для захоронения или сообщить о месте захоронения (No. 886/1999, *Bondarenko v. Belarus*, 3 апреля 2003, § 10.2; No. 887/1999, *Lyashkevich v. Belarus*, 3 апреля 2003, § 9.2; No. 915/2000, *Sultanova v. Uzbekistan*, 30 марта 2006, § 7.10; No. 959/2000, *Bazarova v. Uzbekistan*, 14 июля 2006, § 8.5; No. 973/2001, *Khakhlova v. Tajikistan*, 30 марта 2005, § 7.7; No. 985/2001, *Aliboeva v. Tajikistan*, 18 октября 2005, § 6.7; No. 1044/2002, *Shukurova v. Tajikistan*, 17 марта 2006, § 8.7). В частности, в деле *Aliboeva v. Tajikistan* Комитет по правам человека устанавливает:

«6.7. Комитет принял к сведению заявление автора о том, что власти не проинформировали ее о казни мужа, однако продолжали принимать ее ходатайства от его имени уже после того, как он был казнен. Комитет отмечает, что действовавшее на тот момент законодательство не предусматривало информирование семьи или лица, приговоренного к смертной казни, о дате приведения в исполнение приговора и месте захоронения казненного лица. Комитет понимает продолжающиеся душевные страдания и психический стресс, причиняемые автору как жене приговоренного к смертной казни заключенного, в результате сохраняющейся неопределенности в отношении обстоятельств, приведших к его казни, а также места его захоронения. Комитет напоминает о том, что обстановка секретности в отношении даты казни и места захоронения, а также отказ передать тело казненного для захоронения равноценны запугиванию или наказанию родственников, поскольку их намеренно оставляют в состоянии неопределенности и психических страданий. Комитет считает, что первоначальный отказ властей уведомить автора о казни ее мужа и отказ проинформировать ее о месте его захоронения представляют собой бесчеловечное обращение с автором в нарушение статьи 7 Пакта».

94. Заявители также сослались на постановление Межамериканского Суда по Правам Человека от 15 июня 2005 года по делу *Moiwana Village*

v. *Suriname* (Inter-Am Ct. H.R., (Ser. C) No. 145 (2005)). В данном деле представители государства напали на село Мойвана в 1986 году и убили 39 членов группировки (клана) N'djuka (п. 86(15)). Власти также воспрепятствовали возвращению оставшихся тел родственникам. И, как оказалось, некоторые из этих тел были кремированы. Суд в своем решении дал подробный отчет о специфике похоронного обряда N'djuka, в частности следующее:

«86(7). У N'djuka существует специальный обряд, который должен проводиться сразу после смерти члена группы. Для того чтобы исполнить некоторые религиозные действия, необходимо от шести месяцев до одного года; эти обряды требовали участия значительного количества членов сообщества и использование больших ресурсов, по сравнению с другими церемониями N'djuka.

86(8). Чрезвычайно важным считается обладание материальными останками погибшего, так как к телу нужно относиться особым образом в ходе похоронного ритуала N'djuka и его нужно перенести в месту захоронения, принадлежащего конкретной родовой группе. Только те, кто замыслил недоброе, не почитались таким обрядом захоронения. Поэтому для всех групп Maroon идея кремации является оскорбительной.

86(9). Если какие-то похоронные ритуалы не были проведены согласно традиции N'djuka, это означало нравственный грех, который будет преследовать не только дух усопшего, но может также воздействовать против других членов сообщества. Это приводит к ряду «душевных заболеваний», которые выглядят как реальные психические расстройства и которые потенциально могут воздействовать на всех потомков. В культуре N'djuka считается, что такие заболевания не излечимы сами по себе, но могут быть разрушены посредством культурных и церемониальных действий; в противном случае, такие состояния будут передавать от поколения к поколению»

95. Межамериканский Суд признал в п.п.98-100 этого постановления, что заявители испытали душевные страдания в нарушение Статьи 5 Американской Конвенции Прав Человека.

«...одним из важных мотивов страданий членов сообщества Мойвана является то, что они не знали о том, что случилось с останками их близких, и в результате, они не смогли почтить и похоронить их так, как предполагают фундаментальные нормы культуры N'djuka. Суд отмечает, что члены сообщества испытали стресс, когда получили известие о том, что некоторые тела были сожжены (п.п. 98-100)»

96. В части компенсации (п. 208) Правительству Суринам было поручено:

«... незамедлительно вернуть останки тел членов сообщества Мойвана, убитых в результате атаки 1986 года. Если эти останки были найдены государством, они должны быть отданы как возможно скорее представителям сообщества, для того чтобы погибшие были похоронены в соответствии с обрядами, принятыми в культуре N'djuka».

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВА-ОТВЕТЧИКА

97. Государство-ответчик утверждало, что девятнадцатая заявительница, г-жа Жанна Федоровна Ифраимова, не вправе обращаться с жалобой о событиях в настоящем деле, касающихся погибшего г-на Руслана Борисовича Тамазова. В подтверждение своих доводов оно ссылалось на то, что в ходе допроса она якобы сообщила властям, что с февраля 2005 года она проживала с г-ном Тамазовым в течение всего одного месяца. По мнению государства-ответчика, этого недостаточно для того, чтобы считать ее членом семьи г-на Тамазова. Оно настаивало на том, что заявительница и г-н Тамазов должны были состоять в официальном браке.

98. В ответ девятнадцатая заявительница утверждала, что г-н Тамазов был ее гражданским мужем; они начали проживать совместно после проведения свадебной церемонии по религиозным обрядам в феврале 2005 года и продолжали тайно встречаться после того, как г-н Тамазов был объявлен в розыск. Заявительница также указала, что когда она опознавала тело г-на Тамазова в октябре 2005 года, она была на девятом месяце беременности.

99. Во-первых, Суд отмечает, что даже несмотря на отсутствие официальной регистрации брака между г-жой Ифраимовой и г-ном Тамазовым, внутригосударственные суды не имели никаких сомнений в отношении ее права участвовать в судебном разбирательстве, касавшемся постановлений от 13-14 апреля 2006 г. (см. пункт 44 выше). Кроме того, заявительница предоставила копию свидетельства о рождении, которое, по сути, подтверждает сделанные ей ранее утверждения о том, что она действительно была на девятом месяце беременности во время событий октября 2005 года, а также что отцом ее дочери является погибший г-н Тамазов (см. пункт 10 выше). При таких обстоятельствах, Суд считает доказанным, что связь между ними была достаточной для целей статьи 35 Конвенции, и, соответственно, нет причин для сомнений в наличии у нее права на обращение в Суд с данной жалобой.

100. В свете вышеизложенного Суд отклоняет предварительное возражение. В то же время Суд считает необходимым принять во внимание доводы государства-ответчика о характере отношений между девятнадцатой заявительницей и г-ном Тамазовым при оценке применимости статьи 8 Конвенции в контексте постановления от 15 мая 2006 г. (см. пункт 119 ниже).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

101. Заявители жаловались на условия, в которых тела их родственников хранились в ходе опознания. Они также были недовольны обстоятельствами, касающимися их личного участия в процессе опознания. Заявители утверждали, что такое обращение со стороны властей причинило им моральные страдания, которые могут быть квалифицированы в качестве нарушения статьи 3 Конвенции, которая гласит:

“Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечным и унижающим достоинство обращению и наказанию.”

A. Доводы сторон

102. Заявители поддержали свои жалобы. Они утверждали, что список участников процедуры опознания был неполным.

103. Государство-ответчик не согласилось. Оно утверждало, что после событий тела были сначала направлены в морг г. Нальчика, где с них сняли одежду и направили ее на экспертизу. Затем тела были помещены в два вагона-рефрижератора, имеющих необходимые условия для хранения тел. Через некоторое время тела были вывезены в г. Ростов-на-Дону для проведения генетической экспертизы. Государство-ответчик признало, что сразу после нападения обеспечить надлежащие хранение тел не было возможным и именно это, скорее всего, отражено в видеозаписи, представленной заявителями. Государство-ответчик также отметило, что участие в процедуре опознания было добровольным.

B. Оценка Суда

1. Общие принципы

104. Суд неоднократно отмечал, что в статье 3 закреплена одна из основополагающих ценностей демократического общества. Конвенция налагает абсолютный запрет на применение пыток или жестокого и унижающего достоинство обращения и наказания даже в самых тяжелых обстоятельствах, каковыми являются борьба с терроризмом и организованной преступностью. В отличие от большинства материальных норм Конвенции и Протоколов к ней, статья 3 не допускает исключений; невозможно и отступление от предусмотренных в ней обязательств на основании статьи 15 даже в чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации (см., среди других источников, *Aksoy v. Turkey*, 18 декабря 1996 года, §62, *Сборник постановлений и решений* 1996-VI). Плохое обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости для того, чтобы попасть в

сферу действия статьи 3. Оценка минимального уровня жестокости относительна; она зависит всех обстоятельств дела, в частности, длительности обращения, его физических и психологических последствий и, в некоторых случаях, пола, возраста и состояния здоровья пострадавшего (см., среди других источников, *Ireland v. the United Kingdom*, 18 января 1978 г., § 162, Серии А № 25).

105. В отношении жалоб на моральные страдания, подаваемых в рамках статьи 3 родственниками предполагаемых жертв специальных операций, проводимых властями, Суд избрал ограничительный подход, указав, что хотя член семьи «исчезнувшего человека» также может считаться жертвой обращения, запрещенного статьей 3 (см. *Kurt v. Turkey*, 25 мая 1998 г., §§ 130-34, *Сборник 1998-III*), этот принцип, как правило, не применяется в ситуациях, когда задержанный был впоследствии обнаружен мертвым (см., например, *Tanli v. Turkey*, № 26129/95, § 159, ECHR 2001-III; *Yasin Ateş v. Turkey*, № 30949/96, § 135, 31 мая 2005 г.; и *Bitiyeva and Others v. Russia*, № 36156/04, § 106, 23 апреля 2009 г.). В таких делах, Суд, как правило, ограничивался выводами в рамках статьи 2. С другой стороны, Суд приходил к выводу о нарушении статьи 3 в связи с моральными страданиями, пережитыми заявителями в результате действий сил безопасности, которые сожгли их дома и имущество у них на глазах (см. *Selçuk and Asker v. Turkey*, 24 апреля 1998 г., §§ 77-80, *Сборник 1998-II*; *Yöyler v. Turkey*, № 26973/95, §§ 74-76, 24 июля 2003 г. и *Ayder and Others v. Turkey*, № 23656/94, §§ 109-11, 8 января 2004 г.).

106. В заключение, Суд напоминает о позиции, устоявшейся в его прецедентном праве, согласно которой утверждения о плохом обращении должны подтверждаться соответствующими доказательствами (см., *mutatis mutandis*, *Klaas v. Germany*, 22 сентября 1993 г., § 30, Серии А по. 269). Суд использует стандарт «вне разумного сомнения» для оценки доказательств, но добавляет, что вывод о доказанности может следовать из сосуществования достаточно значимых, четких и согласующихся между собой умозаключений либо аналогичных неопровергнутых фактических презумпций (см. *Ireland v. the United Kingdom*, цит. выше, § 161).

2. Применение указанных принципов

107. Стороны не оспаривали, что с 14 по 18 октября 2005 г. тела погибших в результате событий 13-14 октября 2005 г. хранились в морге г. Нальчика, а с 19 по 31 октября 2005 они были помещены в вагоны-рефрижераторы в пригороде г. Нальчика (см. пункт 51-53 и 63 выше). Также не оспаривается, что общее число погибших в результате нападения сильно превышало вместимость местных учреждений и что в первые четыре дня некоторые тела приходилось хранить на улице.

108. Суд не сомневается в том, что заявители, как родственники погибших, могли испытывать моральные страдания в связи с условиями хранения тел. Те, кто изъявил желание лично участвовать в опознании, испытали еще более сильные страдания. По информации, находящейся в распоряжении Суда, по меньшей мере, тридцать восемь заявителей (под номерами 1, 2, 3, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 47, 48 и 49) лично участвовали в опознании (см. пункты 57-59 и 62).

109. Задача Суда состоит в том, чтобы с учетом конкретных обстоятельств дела определить, были ли у этих страданий характеристики, обуславливающие необходимость применения к ним статьи 3 Конвенции.

110. Во-первых, Суд отмечает, что в данное дело отличается от дел по жалобам, поступившим в Суд от членов семьи жертв «исчезновений» и внесудебных казней, совершенных силами безопасности (см., например, *Luluyev and Others v. Russia*, № 69480/01, §§116-118, ECHR 2006-XIII (выдержки)). В данном деле родственники заявителей погибли не в результате действий властей, нарушающих статью 2 Конвенции (в отношении обстоятельств, которые привели к смерти родственников заявителей, см. пункты 6 и 7 выше; ср., например, *Esmukhambetov and Others v. Russia*, № 23445/03, §§138-151 и 190, 29 марта 2011 г.). Нельзя сказать, что заявители страдали от продолжительной неизвестности в отношении судьбы своих родственников, так как цель их добровольного участия в процессе опознания, который имел место вскоре после нападения, состояла именно в том, чтобы найти тела своих родственников (см. пункт 63 выше и ср. *Luluyev and Others*, цит. выше, §§ 116-118).

111. Суд далее отмечает, что данное дело также отличается от турецких дел, касающихся преднамеренного уничтожения имущества на глазах у заявителей. В частности, в деле *Selçuk and Asker* Суд учел способ, которым были уничтожены дома заявителей, а именно, тот факт, что это было сделано умышленно, с презрением и без уважения к чувствам заявителей, возражения которых были проигнорированы (см. *Selçuk and Asker*, цит. выше, § 77), и в связи с этим пришел к выводу о том, что действия сил безопасности можно квалифицировать в качестве «бесчеловечного обращения» по смыслу статьи 3 Конвенции. Схожая мотивировка имплицитно присутствует в делах *Yöyler* и *Ayder and Others* (оба дела цит. выше). В указанных делах силы безопасности сожгли дома и имущество заявителей с целью причинить им моральные страдания, что позволило Суду прийти к выводу о нарушении статьи 3 по этому эпизоду.

112. В настоящем деле, однако, у Суда отсутствуют доказательства, которые позволяли бы прийти к такому же выводу. Верно - и государство-ответчик не отрицает - то, что в первые четыре дня в соответствующих местных учреждениях, предназначенных для

хранения трупов в охлажденных условиях, не хватало мест для хранения всех тел (см. пункт 56 выше), а также и то, что после этого тела пришлось положить друг на друга для хранения в вагонах-рефрижераторах (см. пункт 53 выше). Однако эти упущения имели место из-за объективных логистических сложностей, возникших в связи с характером событий 13-14 октября, а также с количеством погибших; нельзя сказать, что они имели целью подвергнуть заявителей бесчеловечному обращению, в частности, причинить им психологические страдания.

113. Резюмируя, Суд не считает, что обстоятельства данного дела позволяют прийти к выводу о наличии в страданиях заявителей, перечисленных в пункт 108 выше, а также других заявителей, которым просто было известно о сложных условиях хранения тел их родственников, аспекта или стороны, которые бы отличали их от эмоциональных страданий, которые неизбежно возникли бы у любого члена семьи погибшего человека в схожей ситуации. Таким образом, Суд не может прийти к выводу о нарушении статьи 3 Конвенции в данном деле.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

114. Ссылаясь на статью 8 Конвенции, заявители также жаловались на отказ властей вернуть тела их погибших родственников. Данная норма Конвенции гласит:

Статья 8 Конвенции

“1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.”

A. Доводы сторон

1. Заявители

115. Заявители указали, что отказ властей от 15 мая 2006 г. вернуть тела был незаконным и непропорциональным. Во-первых, они утверждали, что отказ был незаконным в связи с тем, что по постановлению Конституционного Суда власти были обязаны дожидаться окончания расследования до принятия решения о том, возвращать ли тела; очевидно, что власти не выполнили эту

обязанность. Во-вторых, законодательные определения «терроризма», «террористической деятельности» и «террористического акта» отличаются неточностью, а также в законе имеется неопределенность в отношении порядка кремации (заявители жаловались, что их родственники были кремированы, а не захоронены), конкретного должностного лица, уполномоченного принимать данное решение, возможности его обжаловать, позиции о сообщении даты захоронения и о соблюдении обрядов в ходе похорон. В-третьих, они утверждали, что данная мера была непропорциональна, так как ни в одной европейской стране не существует аналогичного законодательства; хотя в Израиле ранее существовала такая административная практика, с тех пор она была осуждена израильскими судами; такое обращение запрещено международным гуманитарным правом; властям были доступны другие менее ограничительные меры в решении проблем, связанных с терроризмом

2. Государство-ответчик

116. Государство-ответчик утверждало, что решение о невозвращении тел родственников заявителей было принято в соответствии с Законом «О противодействии терроризму», Законом «О погребении и похоронном деле» и Постановлением о противодействии терроризму и было обоснованным, с учетом аргументов, изложенных в Постановлении Конституционного Суда от 28 июня 2007 г. (см. пункты 33-35). Все заявители получили официальное уведомление и ответы от властей, их доступ к суду в связи с рассматриваемыми решениями не был ограничен.

В. Оценка Суда

1. Применима ли статья 8 в данном деле

117. Суд напоминает, что согласно его прецедентной практике по статье 8 понятия «частной жизни» и «семейной жизни» широки и не подлежат исчерпывающему определению (см., например, *Pretty v. the United Kingdom*, № 2346/02, § 61, ECHR 2002-III). В делах *Pannullo and Forte v. France* (№ 37794/97, §§35-36, ECHR 2001-X) и *Girard v. France* (№ 22590/04, § 107, 30 июня 2011 г.) Суд признал, что чрезмерная задержка в возврате тела после вскрытия или биологических образцов после завершения соответствующего уголовного разбирательства является вмешательством в «частную жизнь» и в «семейную жизнь» выживших членов семьи. В деле *Elli Poluhas Dödsbo v. Sweden* (№ 61564/00, §24, ECHR 2006-I) Суд признал, что отказ передачи урны с прахом мужа заявительницы также может быть рассмотрен в рамках статьи 8. В заключение, в деле *Hadri-Vionnet v. Switzerland* (№ 55525/00, § 52, 14 февраля 2008 г.) Суд счел, что возможность заявительницы

присутствовать на похоронах ее мертворожденного ребенка, а также при сопутствующих процедурах передачи [тела] и церемониальных мероприятиях, также может попадать в сферу и «частной», и «семейной» жизни по смыслу статьи 8.

118. Во-первых, Суд отмечает, что государство-ответчик не оспаривало, что постановление от 15 мая 2006 г. о невыдаче тел являлось вмешательством в право заявителей (за исключением девятнадцатой заявительницы, Жанны Федоровны Ифраимовой (см. пункты 99-100 выше)) на [уважение] частной и семейной жизни, защищаемое статьей 8 Конвенции.

119. В отношении девятнадцатой заявительницы Суд, на основании документов, которыми он располагает, приходит к выводу о том, что, хотя отношения между г-жой Ифраимовой и г-ном Тамазовым, заключавшиеся лишь в месяце совместного проживания и редких тайных встреч на протяжении следующих восьми месяцев (см. пункты 10 и 98 выше), могут и не быть в достаточной степени длительными и стабильными, чтобы признаваться «семейной жизнью» по смыслу статьи 8 Конвенции, нет сомнений, что между ними существовала «частная жизнь» по смыслу этой нормы Конвенции.

120. Суд далее отмечает, что 15 мая 2006 г. по завершении следственных действий в отношении тел погибших следователь постановил не возвращать тела заявителям, а захоронить их без указания места захоронения (см. пункт 27 выше). Это постановление было принято в соответствии с п. 3 Постановления № 164 от 20 марта 2003 г., и ст. 14.1 Закона «О погребении и похоронном деле», которые предписывают компетентным органом не выдавать тела террористов, которые погибли в результате пресечения террористического акта.

121. Рассмотрев применимое национальное законодательство, Суд отмечает, что в России родственникам умершего, желающим организовать погребение, законодательно гарантировано быстрое возвращение тела для захоронения после установления причины смерти. На них также распространяется правовой режим, наделяющий их правом исполнить волеизъявление умершего в отношении погребения или принять решение о том, как будет совершаться погребение; в обоих случаях ограничения могут быть наложены только в связи с нормами безопасности и санитарными требованиями (см. части 3-8 Закона «О погребении и похоронном деле» в пункте 65 выше).

122. С учетом изложенного, Суд отмечает, что отказ властей вернуть тела родственников заявителей со ссылкой на ст. 14.1 Закона «О погребении и похоронном деле» и п. 3 Постановления № 164 от 20 марта 2003 г. представлял собой исключение из общего правила и явно лишал заявителей возможности организовать и принять участие в захоронении тел их родственников, а также узнать место захоронения и в последующем посещать его.

123. Учитывая свою прецедентную практику и изложенные выше обстоятельства дела, Суд приходит к выводу о том, что рассматриваемая мера являлась вмешательством в «частную жизнь» и «семейную жизнь» заявителей - за исключением девятнадцатой заявительницы – по смыслу статьи 8 Конвенции. В отношении девятнадцатой заявительницы постановление от 15 мая 2006 г. представляло собой вмешательство в «частную жизнь» по смыслу данной нормы. Остается выяснить, было ли вмешательство оправданным, как того требует второй параграф данной нормы.

2. Было ли вмешательство оправданным

(а) “Предусмотрено законом”

124. Согласно прецедентному праву Суда, выражение «предусмотрено законом» в пункте 2 статьи 8 требует, среди прочего, чтобы рассматриваемая мера была основана на национальном законодательстве (см., например, *Aleksandra Dmitriyeva v. Russia*, № 9390/05, §§ 104-07, 3 ноября 2011), а также отсылает к качеству рассматриваемого законодательства, требуя, чтобы оно было доступным лицу, которого оно затрагивает, а результаты его применения были предсказуемы (см. *Rotaru v. Romania* [GC], № 28341/95, § 52, ECHR 2000-V). Для того чтобы отвечать критерию предсказуемости, законодательство должно с достаточной степенью точности ставить условия, при которых возможно применение конкретной меры с тем, чтобы лица, которых оно затрагивает, могли – при необходимости воспользовавшись соответствующей консультацией – определять свое поведение.

125. Суд отмечает, что рассматриваемая мера была принята в соответствии с положениями Закона «О противодействии терроризму», Закона «О погребении и похоронном деле» и Постановления № 164 от 20 марта 2003 г., которое гласит, что «[тело] террориста, смерть которого наступила в результате пресечения совершенной им террористической акции» не передается для захоронения, место захоронения не разглашается.

126. Суд приходит к выводу о том, что в постановлениях от 13-14 апреля 2006 г. было четко установлено участие погибших родственников заявителей в нападении 13 октября 2005 г.; заявители это не оспаривают. На основании документов, находящихся в его распоряжении (см. пункты 22, 25 и 16 выше), Суд считает доказанным, что отказ властей выдать тела родственников заявителей для захоронения был обоснован с точки зрения российского законодательства.

127. По мнению Суда, иные вопросы, касающиеся законности, а именно, вопрос о предсказуемости и четкости законодательных актов, и, в частности, об автоматическом характере нормы, предполагаемой

нечеткости некоторых понятий и отсутствии судебного контроля, тесно связаны с вопросом пропорциональности и должны быть рассмотрены в качестве аспекта данного требования в рамках части 2 статьи 8 (см., *mutatis mutandis*, *T.P. and K.M. v. the United Kingdom*, [GC], № 28945/95, § 72, ECHR 2001-V, и *Chapman v. the United Kingdom* [GC], № 27238/95, § 92, ECHR 2001-I).

(b) Правомерная цель

128. Суд отмечает, что в качестве обоснования данной меры государство-ответчик приводит Постановление Конституционного суда № 8-П от 28 июня 2007 г., в котором в отношении ст. 14.1 Закона «О погребении и похоронном деле» и Постановления № 164 от 20 марта 2003 г. указано, что принятие данной нормы обуславливают «интересы пресечения терроризма, его общей и специальной превенции, ликвидации последствий террористических актов, сопряженных с возможностью массовых беспорядков, столкновений различных этнических групп, эксцессов между родственниками лиц, причастных к террористическим актам, населением и правоохранительными органами, угрозой жизни и здоровью людей». Также в нем указано на необходимость «минимизации информационного и психологического воздействия, оказанного на население террористическим актом, в том числе ослабление его агитационно-пропагандистского эффекта». Более того, Конституционный суд указал, что «захоронение лица, принимавшего участие в террористическом акте, в непосредственной близости от могил жертв его действий, совершение обрядов захоронения и поминовения с отдаванием почестей как символу, как объекту поклонения, с одной стороны, служат пропаганде идей террора, а с другой - оскорбляют чувства родственников жертв этого акта и создают предпосылки для нагнетания межнациональной и религиозной розни».

129. С учетом вышеописанных пояснений, Суд приходит к выводу о том, что рассматриваемая мера может считаться принятой в интересах национальной безопасности, в целях предотвращения беспорядков, для защиты прав и свобод других лиц.

130. Остается выяснить, была ли принятая мера «необходимой в демократическом обществе» для достижения заявленных целей.

(c) Необходимость в демократическом обществе

(α) Общие принципы

131. Вмешательство будет считаться «необходимым в демократическом обществе» для достижения правомерной цели, если оно предпринимается в ответ на «насущную социальную потребность» и, в частности, если оно пропорционально преследуемой правомерной цели и если причины, приведенные национальными властями в его

обоснование «относимы и достаточны» (см., например, *Coster v. The United Kingdom* [GC], № 24876/94, § 104, 18 января 2001 г. и *S. and Marper v. the United Kingdom* [GC], №№ 30562/04 и 30566/04, § 101, ECHR 2008).

132. Объект и цель Конвенции как международного договора в области права человека, который защищает права лиц на объективных основаниях (см. *Neulinger and Shuruk v. Switzerland* [GC], № 41615/07, § 145, ECHR 2010), диктуют необходимость толкования и применения ее норм таким образом, чтобы ее гарантии оставались эффективными на практике (см., среди других источников, *Artico v. Italy*, 13 мая 1980 г., § 33, Серии А №. 37). Таким образом, для обеспечения «уважения» частной и семейной жизни по смыслу статьи 8 должны приниматься во внимание особенности каждого дела с тем, чтобы избежать механического применения национального законодательства в конкретной ситуации (см., из недавних источников, *Nada v. Switzerland* [GC], № 10593/08, §§ 181-185, 12 сентября 2012 г.).

133. Суд ранее приходил к выводу о том, что для того, чтобы мера рассматривалась в качестве пропорциональной и необходимой в демократическом обществе, необходимо исключить возможность применения альтернативной меры, которая причинила бы меньший вред рассматриваемому основополагающему праву, но, в то же время, достигла бы той же цели (см. *Nada*, цит. выше, § 183).

134. Окончательная оценка того, является ли вмешательство необходимым, остается в ведении Суда, который устанавливает его соответствие требованиями Конвенции. Компетентные власти государства наделяются в этом отношении свободой усмотрения. Ширина свободы усмотрения может различаться; она зависит от ряда факторов, в том числе, от характера конвенционного права, которое было затронуто, его важности для лица, характера вмешательства и цели, которое преследовало вмешательство (см. *S. and Marper*, цит. выше, § 102). Суд неоднократно подчеркивал, что он понимает, что терроризм и насилие, связанное с терроризмом, представляет для государств особую угрозу (см., *mutatis mutandis*, *Brogan and Others v. the United Kingdom*, 29 ноября 1988 г., § 61, Серии А no. 145-B; *Öcalan v. Turkey* [GC], № 46221/99, §§ 104, 192-196, ECHR 2005-IV; *Ramirez Sanchez v. France* [GC], № 59450/00, §§ 115-116, ECHR 2006-IX; и *Finogenov and Others v. Russia*, №№ 18299/03 и 27311/03, § 212, ECHR 2011 (выдержки)). Свобода усмотрения, как правило, будет более узкой в тех случаях, когда речь идет о праве, позволяющем лицу эффективно пользоваться личными или ключевыми правами (см. *Connors v. the United Kingdom*, № 66746/01, § 82, 27 мая 2004 г., а также содержащиеся в указанном постановлении ссылки). Когда речь идет об особенно важной составляющей существования или личности заявителя свобода усмотрения государства будет ограничена (см. *Evans v. the United Kingdom* [GC], № 6339/05, § 77, ECHR 2007-I).

(β) Применение указанных принципов

135. Для того чтобы ответить на вопрос о том, были ли меры, принятые в отношении заявителей и касающиеся тел их погибших родственников, пропорциональными правомерной цели, которую они предположительно преследовали, а также о том, были ли причины, приведенные национальными властями «относимыми и достаточными», Суд должен выяснить, уделили ли российские власти достаточно внимания особому характеру дела, а также была ли принятая мера обоснована с учетом соответствующих обстоятельств дела и свободы усмотрения властей.

136. Для этого Суд готов учесть обстоятельства, имевшие место до принятия постановления от 15 мая 2006 г., а также тот факт, что риск новых нападений или столкновений между различными этническими и религиозными группами, проживающими в г. Нальчике, был достаточно серьезным. Однако применение рассматриваемой меры должно иметь убедительное объяснение и обоснование в каждом конкретном деле (см., *mutatis mutandis, Nada*, цит. выше, § 186).

137. В отношении критики со стороны заявителей, касающейся чрезмерной широты некоторых понятий и других предполагаемых дефектов применимого законодательства, Суд изначально отмечает, что при рассмотрении индивидуальных жалоб в его задачи, как правило, не входит абстрактная оценка применимого законодательства или конкретной практики. Вместо этого он по мере возможности должен сосредоточиться на рассмотрении вопросов, поднятых в рассматриваемом им деле, не теряя при этом из виду общий контекст. Поэтому в данном деле задачей Суда является не оценка соответствия Конвенции указанной нормы *in abstracto*, а определение, *in concreto*, влияния рассматриваемого вмешательства на частную и семейную жизнь заявителей (см., в качестве недавнего источника, *Nejdet Şahin and Perihan Şahin v. Turkey* [GC], no. 13279/05, §§ 68-70, 20 октября 2011 г.).

138. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что в результате принятия постановления от 15 мая 2006 г. заявители были лишены возможности, в иных случаях гарантированной близким родственникам любого погибшего человека в России, организовать и принять участие в захоронении тел погибших членов их семей, а также знать о месте захоронения и посещать его в дальнейшем (см. пункт 65 выше). Суд полагает, что вмешательство в право заявителей, гарантированное статьей 8, имевшее место в результате применения указанной меры, было особенно суровым в виду того, что оно сделало их участие в соответствующих обрядах захоронения абсолютно невозможным, а также предполагало запрет на разглашение местонахождения могилы, что навсегда разорвало все связи между заявителями и местонахождением останков погибших. В этом отношении Суд также ссылается на практику различных

международных инстанций, которые в делах, касающихся применения схожих мер, сочли такое вмешательство в права заявителей особенно суровым (см. пункты 91-96 выше).

139. Суд далее отмечает, что следствие установило, что погибшие лица, на которых указывали заявители, принимали участие в вооруженном сопротивлении и совершили террористическое нападение на г. Нальчик 13 октября 2005 г. (см. пункт 22 выше). Изучив материалы дела, Суд готов использовать эти выводы о фактах в своем дальнейшем анализе.

140. С учетом характера действий погибших, обстоятельств их смерти и исключительно сложного этнического и религиозного контекста в этом регионе России, Суд не исключает, что возможно прийти к выводу о том, что меры, ограничивающие права заявителей, связанные с организацией захоронения погибших, могли быть оправданы, согласно статье 8 Конвенции, и могли преследовать цели, названные государством-ответчиком.

141. В принципе Суд может согласиться с тем, что в зависимости от конкретного места, в котором было запланировано проведение обрядов и захоронения, в виду характера и последствий деятельности погибших и других относимых факторов, связанных с контекстом, разумно было бы ожидать от властей вмешательства с целью предотвращения возможных беспорядков или незаконных действий со стороны лиц, поддерживающих цели и деятельность погибших или противостоящих им, которые могли быть совершены в ходе или после соответствующих обрядов, а также с целью решения других проблем, которые могли бы возникнуть в этом отношении, названных государством-ответчиком.

142. Суд также может согласиться с тем, что при осуществлении соответствующего вмешательства власти были вправе действовать таким образом, чтобы минимизировать информационные и психологические последствия террористического акта для населения, оберегая при этом чувства родственников жертв террористических актов. Такое вмешательство, безусловно, могло ограничить возможность заявителей выбрать время, место и способ проведения соответствующих похоронных обрядов и захоронения или даже напрямую их регулировать.

143. В то же время, Суду сложно согласиться с тем, что какая-либо из заявленных целей способна оправдать все аспекты рассматриваемой меры. В частности, он не видит в этих целях разумного основания для полного лишения заявителей возможности участвовать в соответствующих похоронных обрядах или хотя бы в какой-то форме попрощаться с погибшими.

144. Суд приходит к выводу о том, что власти не провели какой-либо оценки в этом отношении в настоящем деле. В действительности, компетентное должностное лицо приняло решение не на основании оценки обстоятельств конкретного дела и не провело какого-либо

анализа, в котором были бы учтены индивидуальные обстоятельства каждого из погибших и членов их семей (см. пункт 27 выше). Причиной этому было то, что применимое законодательство не рассматривало эти обстоятельства в качестве относимых, а решение от 15 мая 2006 г. было принято исключительно автоматически. Учитывая значение, которое данное ограничение имело для заявителей, Суд считает, что «автоматический» характер решения противоречит обязательству государства по статье 8 по проявлению должной заботы о том, чтобы любое вмешательство в право на уважение частой и семейной жизни было обоснованным и пропорциональным с учетом конкретных обстоятельств каждого дела (см., *mutatis mutandis*, *Płoski v. Poland*, № 26761/95, §§ 35-39, 12 ноября 2002 г.; и *Nada*, цит. выше, § 182).

145. Суд напоминает, что для того, чтобы действовать в соответствии с требованием о пропорциональности, предусмотренным статьей 8, власти в первую очередь должны исключить возможность применения альтернативных мер, которые причинили бы меньший вред затрагиваемому фундаментальному праву, достигнув при этом той же цели (см., *Nada*, цит. выше, § 183 и *Płoski*, цит. выше, § 37). Мера, принятая в отсутствие такого индивидуализированного подхода, в основном выступает в качестве наказания для заявителей, так как перекладывает на родственников и членов семей погибших бремя негативных последствий деятельности последних.

146. Таким образом, с учетом автоматического характера меры, а также несоблюдения властями принципа пропорциональности, Суд приходит к выводу о том, что рассматриваемая мера не отвечала требованию о справедливом балансе между правом заявителей на защиту частной и семейной жизни с одной стороны, и правомерными целями [защиты] общественной безопасности, предотвращения беспорядков и защиты прав и свободы других лиц, с другой стороны, а также что государство-ответчик перешло границы допустимой свободы усмотрения в этом отношении.

147. Следовательно, в отношении всех заявителей, кроме девятнадцатой заявительницы, имело место нарушение права на уважение частной и семейной жизни, гарантированного статьей 8 Конвенции, в результате вынесения постановления от 15 мая 2006 г. Суд приходит к тому же выводу в отношении нарушения права на уважение частной жизни девятнадцатой заявительницы.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЕЙ 8 КОНВЕНЦИИ

148. Ссылаясь на статью 13 Конвенции в совокупности со статьей 8 Конвенции, заявители также жаловались на отсутствие эффективного

средства правовой защиты от отказа властей вернуть тела их погибших родственников.

Статья 13 Конвенции

“Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве”.

А. Доводы сторон

149. Заявители поддержали свои жалобы.

150. Государство-ответчик указало, что все заявители получили официальное уведомление и ответы от властей; их доступ к суду в связи с рассматриваемыми решениями не ограничивался.

В. Оценка Суда

1. Применимые принципы

151. Суд отмечает, что статья 13 гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для целей обжалования нарушений конвенционных прав и свобод. Поэтому, хотя государствам-участникам и предоставляется некоторая свобода усмотрения в вопросе о способе исполнения их обязательства по данной статье, на национальном уровне должно существовать средство правовой защиты, позволяющее уполномоченному органу рассмотреть жалобу на нарушение конвенционного права по существу и при необходимости восстановить права [заявителя]. Объем обязательств в рамках статьи 13 различается в зависимости от характера жалобы заявителя по Конвенции, но в любом случае средство правовой защиты должно быть «эффективным» как на практике, так и с точки зрения закона; в частности, действия или бездействие властей государства не должно необоснованно ограничивать возможность его использования (см. *Büyükdag v. Turkey*, № 28340/95, § 64, 21 декабря 2000 г., а также дела процитированные в данном постановлении, в особенности, *Aksoy*, цит. выше, § 95). В некоторых случаях, общеправовые средства правовой защиты, предусмотренные национальным законодательством, могут соответствовать требованиям статьи 13 (см., в частности, *Leander v. Sweden*, 26 марта 1987 г., § 77, Серии А no. 116).

152. В то же время статья 13 требует создания в рамках национального законодательства средств правовой защиты только в отношении тех жалоб, которые могут быть признаны «доказуемыми» в терминологии Конвенции (см., например, *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, 27 April 1988, § 54, Series A no. 131). Она не гарантирует

средство правовой защиты, которое бы позволяло обжаловать в государственных органах законодательство государств-участников на основании его несоответствия Конвенции (см. *Costello-Roberts v. the United Kingdom*, 25 марта 1993 г., § 40, Серии А по. 247-С); она лишь призвана обеспечить, чтобы в национальном правовом порядке каждый, имеющий доказуемую жалобу на нарушение конвенционного права имел доступ к эффективному средству правовой защиты (*ibid.*, § 39).

2. Применение указанных принципов в настоящем деле

153. По мнению Суда, с учетом его вывода о приемлемости жалобы по статье 8 (см. [*Sabanchiyeva and Others v. Russia* \(dec.\), № 38450/05, 6 ноября 2008 г.](#)), данная жалоба была доказуемой. Таким образом, остается выяснить, предоставляло ли российское законодательство заявителям доступ к эффективному средству правовой защиты, к которому они могли бы обратиться с жалобой о нарушении их конвенционных прав.

154. С учетом обстоятельств дела, Суд отмечает отсутствие эффективного судебного контроля в отношении постановления от 15 мая 2006 г. Стороны признают, что после вынесения Конституционным судом Постановлений № 8-П от 28 июня 2007 г. и № 16-П от 14 июля 2011 ситуация в некоторой степени улучшилась. Тем не менее, в ходе разбирательства на национальном уровне заявителям отказывали в предоставлении копии постановления от 15 мая 2006 г., и даже после упомянутых изменений суды были вправе оценить только формальную законность меры, но не необходимость принятия данной меры как таковой (см. пункты 33-35 и 38-50 выше). В этом отношении Суд приходит к выводу о том, что соответствующее законодательство не предоставляло заявителям достаточных процессуальных гарантий против произвола (см., *mutatis mutandis*, *Al-Nashif v. Bulgaria*, № 50963/99, § 123, 20 июня 2002 г.).

155. С учетом данных обстоятельств Суд приходит к выводу о том, что у заявителей не было эффективной возможности обжаловать постановление от 15 мая 2006 г. в результате ряда факторов, в том числе, отказа властей предоставить им копию указанного постановления и ограниченной компетенции судов при оценке данных постановлений. С учетом изложенного Суд приходит к выводу о том, что у заявителей не было доступа к эффективному средству правовой защиты в отношении нарушений Конвенции, на которые они жаловались.

156. Соответственно Суд приходит к выводу о том, что имело место нарушение статьи 13 в совокупности со статьей 8.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 9 КОНВЕНЦИИ

157. В дополнение к своим доводам в рамках статьи 8 Конвенции заявители также утверждали, что отказ властей вернуть тела их родственников нарушало статьи 3 и 9 Конвенции.

158. С учетом конкретных обстоятельств данного дела и оснований, которые привели его к выводу о нарушении статьи 8 и статьи 13 в совокупности со статьей 8, Суд полагает, что нет необходимости рассматривать те же факты с точки зрения статей 3 и 9.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЕЙ 8 КОНВЕНЦИИ

159. Заявители полагали, что отказ властей вернуть тела их родственников являлся дискриминацией, так как рассматриваемое законодательство было направлено исключительно на лиц, исповедующих ислам. Они ссылались на статью 14 Конвенции, которая гласит:

“Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам”.

160. Заявители поддержали свои доводы.

161. Государство-ответчик оспаривало эти доводы и утверждало, что рассматриваемое постановление не было дискриминационным.

162. Рассмотрев материалы, представленные сторонами, Суд не обнаружил подтверждения тому, что рассматриваемое законодательство было направлено исключительно против последователей ислама, или тому, что заявители подверглись иному обращению, чем лица в схожей ситуации исключительно на основании их религиозной принадлежности или национальности (см., напротив, *Timishev v. Russia*, № 55762/00 и 55974/00, §§ 53-59, ECHR 2005-XII).

163. Таким образом, в данном деле отсутствует нарушение статьи 14 в совокупности со статьей 8 Конвенции.

VII. СОБЛЮДЕНИЕ СТАТЬИ 38 § 1 (a) КОНВЕНЦИИ

164. В своих замечаниях по существу дела заявители утверждали, что государство нарушило свои обязательства по статье 38 § 1 Конвенции, так как оно предположительно не представило в Суд часть

материалов уголовного дела. В соответствующей части данная статья гласит:

“1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:

(а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия”.

165. Суд напоминает, что для эффективного функционирования системы, основанной на подаче индивидуальных жалоб согласно статье 34 Конвенции, исключительно важно, чтобы государства обеспечивали все необходимые условия для того, чтобы сделать надлежащее и эффективное рассмотрение жалоб возможным (см., *Tanrikulu v. Turkey* [GC], № 23763/94, § 70, ECHR 1999-IV). Это обязательство требует, чтобы государства-участники создавали все необходимые условия для Суда, как в случаях проведения расследований, направленных на установление фактов, так и в ходе осуществления им своей обычной деятельности по рассмотрению жалоб. Непредставление государством-ответчиком информации, которая находится в его распоряжении, без удовлетворительного объяснения может не только стать основанием для выводов об обоснованности утверждений заявителей, но также и негативно повлиять на степень соблюдения государством-ответчиком своих обязательств по статье 38 § 1 (а) Конвенции (см. *Timurtaş v. Turkey*, № 23531/94, § 66, ECHR 2000-VI).

166. Суд отмечает, что после вынесения решения по вопросу приемлемости он указал государству-ответчику на необходимость представить копии документов, касающихся тех жалоб заявителей, которые были признаны приемлемыми. В ответ государство-ответчик представило несколько сотен решений различных государственных органов, принятых в ходе разбирательств по жалобам заявителей, в том числе, копию постановления от 15 мая 2006 г., а также подробную информацию об условиях хранения тел и точный список заявителей, которые принимали участие в опознании. Предоставление данных документов значительно облегчило рассмотрение настоящего дела. Таким образом, утверждения заявителей необоснованны.

167. В виду изложенного, Суд приходит к выводу о том, что государство-ответчик не нарушило своих обязательств по статье 38 § 1 (а) Конвенции.

VIII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

168. Статья 41 Конвенции гласит:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого

нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

А. Вред

169. Заявители утверждали, что им был причинен очень серьезный моральный вред; каждый требовал компенсации в размере 20 000 евро. Они также требовали, чтобы Суд обязал государство-ответчика передать останки их родственников членам их семей или раскрыть информацию об обстоятельствах их захоронения, в том числе, о местонахождении могил, а также отменить рассматриваемое национальное законодательство.

170. Государство-ответчик утверждало, что эти требования необоснованны и чрезмерны в целом.

171. Суд полагает, что с учетом обстоятельств данного дела, вывод о нарушении статьи 8 Конвенции в отдельности, а также в совокупности со статьями 13 является достаточной справедливой компенсацией для заявителей.

В. Расходы и издержки

172. Заявители требовали компенсации расходов на юридическую помощь, а также иных расходов, понесенных в ходе разбирательства в г. Страсбурге, в размере 24 371 евро, а также компенсации расходов на юридическую помощь в ходе разбирательства на национальном уровне в размере 4 862 евро.

173. Государство-ответчик утверждало, что заявленные суммы слишком велики и необоснованны.

174. Согласно прецедентному праву Суда, заявитель вправе требовать возмещения расходов и издержек только в той степени, в которой он доказал, что они действительно были понесены и были необходимы, а их размер разумен. С учетом документов, находящихся в его распоряжении, Суд удовлетворяет требование заявителей только в части, касающейся расходов на юридическую помощь и иных расходов, понесенных в ходе разбирательства в г. Страсбурге, и считает разумным присудить им 15 000 евро плюс любой налог, взимаемый с этой суммы. Согласно желанию заявителей, данная сумма должна быть выплачена организации, представляющей их интересы, напрямую.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

175. Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

В СВЯЗИ С ВЫШЕИЗЛОЖЕННЫМ СУД

1. Единогласно *отклоняет* предварительное возражение государства-ответчика;

2. Единогласно *признает*, что отсутствовало нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями, в которых тела погибших хранились и предъявлялись для опознания;

3. *Признает* пятью голосами против двух, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции в отношении всех пятидесяти заявителей в связи с постановлением от 15 мая 2006 г.;

4. *Признает* пятью голосами против двух, что имело место нарушение статьи 13 в совокупности со статьей 8 в связи с отсутствием эффективных средств правовой защиты в отношении постановления 15 мая 2006 г.;

5. Единогласно *признает*, что с учетом выводов, к которым он пришел в рамках статей 8 и 13 Конвенции, нет необходимости отдельно рассматривать дело в свете статей 3 и 9 Конвенции;

6. Единогласно *признает*, что отсутствовало нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 8;

7. Единогласно *признает*, что государство-ответчик не нарушило свои обязательства по статье 38 § 1 (а) Конвенции;

8. Единогласно *признает*, что вывод о нарушении является достаточной справедливой компенсацией морального вреда, понесенного заявителями;

9. Единогласно *признает*,

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителям совместно в качестве компенсации расходов и издержек 15 000 евро (пятнадцать тысяч евро), которые подлежат переводу в российские рубли по курсу на день выплаты, а также сумму налогов, которые могут быть начислены на указанные суммы; выплаты необходимо произвести на банковский счет в Нидерландах, указанный представителями заявителей;

(b) что простые проценты по предельным годовым ставкам по займам Европейского центрального банка плюс три процента подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты;

10. Единогласно *отклоняет* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 6 июня 2013 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Андре Вампах
Заместитель секретаря

Изабель Берро-Лефевр
Председатель

Согласно статье 45 § 2 Конвенции и Регламенту Суда к настоящему постановлению прилагаются общее особое мнение судей Хаджиева и Дедова.

И.Б.Л.
А.М.В.

ОБЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ХАДЖИЕВА И ДЕДОВА

К сожалению, мы не разделяем мнение большинства о том, что имело место нарушение статьи 8. Общая идея постановления по данным делам состоит в том, что, хотя государство и уполномочено регулировать похоронные обряды, оно не должно выходить за пределы своей свободы усмотрения для того, чтобы обеспечить уважение прав родственников на участие в таких обрядах, и не должно налагать автоматические ограничения в отсутствие индивидуализированного подхода. Однако Конституционный Суд Российской Федерации указал (см. п. 33 постановления), а Суд согласился с ним при рассмотрении вопроса о правомерности цели (см. пункты 128-129), что существует риск возобновления насилия. В случае разглашения места и времени проведения похоронных обрядов, полностью избежать такого риска, порожденного стрессом и ненавистью, было бы исключительно сложно или даже невозможно. В ситуации неопределенности государству сложно установить, «вышло ли оно за пределы» своей свободы усмотрения.

Таким образом, мера, предложенная Судом, была бы пропорциональной только в том случае, если было бы доказано (а этого не сделано), что рассматриваемое право по статье 8 важнее, чем права других лиц на жизнь, в том числе, на мирную жизнь. Важность рассматриваемого права снижается в связи с тем обстоятельством, что террористы отказались от своей социальной обязанности по поддержанию мира и покинули свои дома для ведения войны - и не просто войны, а войны против гражданских лиц – и что террористы обычно жертвуют своими телами во время нападений; заявители должны принять это изначально и, таким образом, согласовывать свои ожидания с учетом грандиозных последствий, которые испытывает общество в целом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ЗАЯВИТЕЛЕЙ И ИХ ПОГИБШИХ РОДСТВЕННИКОВ

Заявителями являются пятьдесят граждан Российской Федерации, которые живут в Республике Кабардино-Балкарии и, если не указано другое, являются жителями города Нальчик.

1. Г-жа Келимат Ахматовна Сабанчиева, 1961 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Хаджимурата Курбановича Курбанова, родившегося 25 октября 1984 года (1982¹);
2. Г-н Хусейн Леонидович Шибзуков, 1949 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Анзора Хусейновича Шибзукова, родившегося 23 июня 1984 года;
3. Г-н Анатолий Наричевич Битоков, 1947 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Мурата Анатольевича Битокова, родившегося 22 сентября 1980 года;
4. Г-жа Рая Билялевна Чеченова, 1952 года рождения, ссылается на смерть своего сына, Г-на Станислава Борисовича Чеченова, родившегося 1 декабря 1973 года;
5. Г-жа Лариса Сарадиновна Алакаева, 1957 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Сарадина Хаутиевича Алакаева, родившегося 13 сентября 1980 года;
6. Г-н Барасби Худович Бозиев, 1957 года рождения, проживает в селе Аргудан и жалуется на смерть своего сына, Г-на Сосруко Барасбиевича Бозиева, родившегося 17 февраля 1977 года;
7. Г-н Юрий Натрибович Хагов, 1937 года рождения, проживает в селе Терек и жалуется на смерть своего сына, Г-на Залима Юриевича Хагова, родившегося 11 августа (сентября) 1968 года;
8. Г-жа Раиса Альбияновна Мамрешева, 1951 года рождения, проживает в селе Терек и жалуется на смерть своего сына, Г-на Вячеслава Борисовича Шогемова, родившегося 20 сентября 1975 года;
9. Г-жа Анжелика Юрьевна Архестова, 1970 года рождения, жалуется на смерть своего брата, Г-на Анзора Юрьевича Кертбиева, родившегося 13 апреля 1974 года;
10. Г-жа Фатимат Хазритовна Тхагалегова, 1963 года рождения, проживает в селе Нартан и жалуется на смерть своего брата Анзора Хазритовича Бичоева, родившегося 18 августа 1972 года;
11. Г-жа Рита Рамазановна Дзантуева, 1959 года рождения, жалуется на смерть ее брата, Г-на Александра Леновича Башлоева, 29 декабря 1980 (1975) года;
12. Г-жа Фатима Амерхановна Мамаева, 1973 года рождения, жалуется на смерть своего мужа, Г-на Тимура Махтиевича Мамаева, родившегося 2 сентября 1972 года;
13. Г-жа Елена Хабидовна Кармова, 1978 года рождения, жалуется на смерть своего мужа, Г-на Мартина Николаевича Кармова, родившегося 19 февраля 1972 (1978) года;

¹ Если в материалах дела содержались противоречивые данные о точном написании фамилий и датах рождения покойных, то альтернативные данные указаны в скобках.

14. Г-жа Алеся Хазритовна Шидакова, 1955 года рождения, проживает в селе Инаркой и жалуется на смерть сына, Г-на Джамбулата Хамишуевича Шидакова, родившегося 6 ноября 1978 года;

15. Г-н Тимофей Алесович Набитов, 1942 года рождения, жалуется на смерть своих сыновей, Г-на Азамата Тимофеевича Набитова, родившегося 20 (29) декабря 1979 года, и Г-на Джамбулата Тимофеевича Набитова, родившегося 9 января 1982 года;

16. Г-жа Раиса Шамгуновна Керешева, 1956 года рождения, жалуется на смерть своих сыновей, Г-на Рустама Руслановича Керешева, родившегося в 1979 году, и Г-на Анзора Руслановича Керешева, родившегося в 1984 году;

17. Г-н Бетал Мурадинович Керефов, 1946 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Хазбулата Беталовича Керефова, родившегося 15 мая 1980 года; этот заявитель умер 4 декабря 2009 года, и поэтому вдова погибшего, г-жа Фатима Мухабовна Карафова, 1949 года рождения, приняла решение поддержать жалобу;

18. Г-н Магомед Хасумович Аттоев, 1941 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Мурата Магомедовича Аттоева, родившегося 27 апреля (24 июля) 1978 года;

19. Г-жа Жанна Федоровна Ифраимова, 1968 года рождения, жалуется на смерть своего гражданского мужа, Г-на Руслана Борисовича Тамазова, родившегося 31 марта (мая) 1980;

20. Г-жа Айша Исмаиловна Чагиран, 1952 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Джамбулата Мухамедовича Биттирова, родившегося 1 апреля 1985 года;

21. Г-н Асерби Ланович Макоев, 1949 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Мурата Асербиевича (Аскербиевича) Макоева, родившегося 1 июня (июля) 1981 года;

22. Г-н Саит Мухамедович Башора, 1956 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Руслана Саитовича Тишкова, родившегося 1 августа 1980 года;

23. Г-жа Тая Алексеевна Хавжокова, 1958 года рождения, проживает в селе Нартан и жалуется на смерть своего сына, Г-на Алима Хаталимовича Хавжокова, родившегося 8 сентября 1979 года;

24. Г-н Кунак Исмаилович Гузиев, 1944 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Рамазана Конавича Гузиева, родившегося 26 сентября 1975 года;

25. Г-н Амерби Яхитаевич Афов, 1937 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Заура Амербиевича Афова, родившегося 3 апреля 1975 года (1976);

26. Г-жа Юлия Анурдиновна Хагабанова, 1982 года рождения, жалуется на смерть своего брата, Г-на Эдика Расимовича Абидокова, родившегося 23 (20) марта 1973 года;

27. Г-жа Лидия Джамбулатовна Желихажева, 1942 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Алима Султановича Желихажева, родившегося 23 марта 1976 года;

28. Г-н Тенгиз Валерьевич Макоев, 1987 года рождения, жалуется на смерть своего брата, Г-на Александра Валерьевича Мокаева, родившегося 17 (19) июля 1978 года;

29. Г-жа Эмма Аузириновна Шердиева, 1963 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Рустама Руслановича Нафедзова, родившегося 13 января 1981 года; эта заявительница умерла 26 августа

2006 года, и поэтому вдова погибшего Жаннета Хамидбиевна Хажбиева, 1982 года рождения, приняла решение поддержать указанную жалобу;

30. Г-жа Жанетта Мартиновна Кушкова, 1944 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Заурбека Хусейновича Кушкова, родившегося 25 ноября 1977 года;

31. Г-н Хазрет-Али Исламович Халилов, 1950 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Мурата Хазрет-Алиевича Халилова, родившегося 9 января 1981 года; этот заявитель умер 25 декабря 2006 года, и поэтому вдова погибшего Зюзанна Хазретовна Халилова, 1983 года рождения, приняла решение поддержать указанную жалобу;

32. Г-н Ладин Хажизетович Гендуков, 1955 года рождения, проживает в селе Алтуд и жалуется на смерть своего сына, Г-на Романа Ладиновича Гендукова (Гендугова), родившегося 3 октября 1981 года;

33. Г-н Владимир Хазешевич Вороков, 1946 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Азамата Владимировича Ворокова, родившегося 22 апреля 1978 года;

34. Г-н Мурат Юрьевич Пшихачев, 1974 года рождения, жалуется на смерть своего брата, Г-на Муслима Юрьевича Пшихачева, родившегося 8 февраля 1976 года;

35. Г-н Федор Алиевич Абидов, 1957 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Заура Федоровича Абидова, родившегося 9 июня 1983 года;

36. Г-н Лиуан Мухажирович Карданов, 1952 года рождения, проживает в селе Урвани и жалуется на смерть своего сына, Г-на Мухарби Лиуановича Карданова, родившегося 11 декабря 1979 года;

37. Г-н Атаби Сахатгериевич Карданов, 1948 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Олега Атабиевича Карданова, родившегося 16 ноября 1981 года;

38. Г-жа Рита Асламурзовна Анзорова, 1960 года рождения, проживает в городе Нарткала и жалуется на смерть своего сына, Г-на Артура Хасановича Эздекова, родившегося 14 сентября 1979 года;

39. Г-н Каральби Масадович Амшоков, 1933 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Ахмеда Каральбиевича Амшокова, родившегося 13 мая 1977 года;

40. Г-н Борис Беталович Кучменов, 1942 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Кучменова, родившегося 19 ноября 1973 года;

41. Г-жа Аминат Умаровна Псанукова, 1949 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Заура Исидовича Псанукова, родившегося 10 сентября 1977 года;

42. Г-жа Фатима Нахужиновна Архагова, 1951 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Аслана Каральбиевича Архагова, родившегося 30 (31) января 1979 года;

43. Г-н Хусейн Хажмурадович Аталиков, 1952 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Ислама Хусейновича Аталикова, родившегося 15 (13) октября 1982 года;

44. Г-жа Любовь Михайловна Гонибова, 1952 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Ахмеда Хасанбиевича Гонибова, родившегося 3 сентября 1985 года;

45. Г-жа Зоя Ибрагимовна Афаунова, 1937 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Гиза Мусовича Афаунова, родившегося 1 января 1975 года;

46. Г-жа Фатимат Абубачировна Эржибова, 1956 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Беслана Леонидовича Эржибова, родившегося 17 июля 1983 года;

47. Г-жа Фатима Хурсановна Гудова, 1959 года рождения, жалуется на смерть своего сына, Г-на Руслана Асламбиевича Гудова, родившегося 7 января 1979 года;

48. Г-жа Оксана Николаевна Даова, 1977 года рождения, жалуется на смерть своего брата, Г-на Валерия Николаевича Тлеужева, родившегося 22 (21) июля 1975 года, и на смерть своего мужа, Г-на Зураба Назрановича (Нарзановича) Даова, родившегося 18 марта 1972 года;

49. Г-н Заур Мухамедович Теркулов, 1981 года рождения, жалуется на смерть своего брата, Г-на Эльдара Мухамедовича Теркулова, родившегося 1 мая 1983 года;

50. Г-н Борис Заудинович Багов, год рождения не указан, жалуется на смерть своих племянников, Г-на Анзора Юрьевича Багова, Г-на Заура Юрьевича Багова и Г-на Аслана Юрьевича Багова, родившихся в 1977, 1979 и 1987 годах соответственно.

Таблица 1 (см. пункт 42)

№.	Заявители	Дата окончательного постановления
3	Анатолий Наричевич Битоков	28 ноября 2008
15	Тимофей Алесович Набитов в отношении своих сыновей Азамата Тимофеевича Набитова и Джамбулата Тимофеевича	17 июня 2008
17	Бетал Мурадинович Керефов	28 ноября 2008
30	Жанетта Мартиновна Кушкова	22 июля 2008
38	Рита Асламурзовна Анзорова	28 ноября 2008
41	Аминат Умаровна Псанукова	28 ноября 2008
49	Заур Мухамедович Теркулов	5 сентября 2008

Таблица 2 (см. пункт 44)

№.	Заявители	Дата окончательного постановления
5	Лариса Сарадиновна Алакаева	9 ноября 2007
6	Барасби Худович Бозиев, в связи с ухудшившимся состоянием его здоровья в судопроизводстве участвовала жена заявителя - Ксения Арипшева	20 ноября 2007
9	Анжелика Юрьевна Архестова	23 мая 2008
10	Фатимат Хазритовна Тхагалегова	14 декабря 2007
11	Рита Рамазановна Дзантуева	14 марта 2008
13	Елена Хабидовна Кармова	3 ноября 2007 года, это решение было отменено Верховным судом РФ в порядке надзора 14 января 2009
14	Алеся Хазритовна Шидакова	22 августа 2008
16	Раиса Шамгуновна Керешева в отношении ее сына Рустама	14 марта 2008
16	Раиса Шамгуновна Керешева в отношении ее сына Анзора	9 ноября 2007
19	Жанна Федоровна Ифраимова	25 ноября 2008
20	Айша Исмаиловна Чагиран	11 апреля 2008
22	Саит Мухамедович Башора	25 апреля 2008
24	Кунак Исмаилович Гузиев	9 ноября 2007
27	Лидия Джамбулатовна Желихажева	4 июля 2008
28	Тенгиз Валерьевич Макоев	22 августа 2008
31	Хазрет-Али Исламович Халилов	9 ноября 2007
40	Борис Беталович Кучменов	14 марта 2008
45	Зоя Ибрагимовна Афаунова	22 августа 2008

46	Фатимат Абубачировна Эржибова	14 марта 2008
50	Борис Заудинович Багов в отношении своих племянников Анзора Юрьевича Багова, Заура Юрьевича Багова и Аслана Юрьевича Багова; в судопроизводстве участвовал их отец – Юрий Заудинович Багов	22 июля 2008

ТАБЛИЦА 3 (СМ. ПУНКТ 46)

№.	Заявители	Дата окончательного постановления
7	Юрий Натрибович Хагов	6 мая 2008
23	Тая Алексеевна Хавжокова	26 августа 2008
47	Фатима Хурсановна Гудова	26 августа 2008

ТАБЛИЦА 4 (СМ. ПУНКТ 47)

№.	Заявители	Дата окончательного постановления
29	Эмма Аузировна Шердиева	4 июня 2008
36	Лиуан Мухажирович Карданов	6 февраля 2007

ТАБЛИЦА 5 (СМ. ПУНКТ 59)

№.	Заявители	Участие в опознании
1	Келимат Ахматовна Сабанчиева	20-25 октября 2005
3	Анатолий Наричевич Битоков	17, 20 или 21 октября 2005
7	Юрий Натрибович Хагов	18 октября 2005
9	Анжелика Юрьевна Архестова	в неустановленный день в октябре 2005
10	Фатимат Хазритовна Тхагалегова	19 октября 2005
12	Фатима Амерхановна Мамаева	в неустановленный день в октябре 2005
13	Елена Хабидовна Кармова	16 октября 2005
15	Тимофей Алесович Набитов	18 октября 2005
17	Бетал Мурадинович Керевов	21 октября 2005
18	Магомед Хасумович Аттоев	13 октября 2005
19	Жанна Федоровна Ифраимова	19 и 20 октября 2005
20	Айша Исмаиловна Чагиран	16-18 октября 2005
21	Асерби Ланович Макоев	19 октября 2005
22	Саит Мухамедович Башора	18-20 октября 2005
23	Тая Алексеевна Хавжокова	16, 17 и 18 октября 2005
24	Кунак Исмаилович Гузиев	16 октября 2005

25	Амерби Яхитаевич Афов	20 октября 2005
27	Лидия Джамбулатовна Желихажева	20 октября 2005
28	Тенгиз Валерьевич Макоев	19 октября 2005
29	Эмма Аузировна Шердиева	19 октября 2005
31	Хазрет-Али Исламович Халилов	19 октября 2005
34	Мурат Юрьевич Пшихачев	в неустановленный день в октябре 2005
35	Федор Алиевич Абидов	в неустановленный день в октябре 2005
37	Атаби Сахатгериевич Карданов	20 октября 2005
38	Рита Асламурзовна Анзорова	24 октября 2005
39	Каральби Масадович Амшоков	26 октября 2005
40	Борис Беталович Кучменов	21 октября 2005
42	Фатима Нахужиновна Архагова	21 или 22 октября 2005
43	Хусейн Хажмурадович Аталиков	в неустановленный день в октябре 2005
45	Зоя Ибрагимовна Афаунова	21 октября 2005
47	Фатима Хурсановна Гудова	27 и 28 октября 2005
48	Оксана Николаевна Даова	21 октября 2005
49	Заур Мухамедович Теркулов	17 октября 2005